А. АРЗЫМАТОВ

ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ЭНИСЕЙСКИХ КИРГИЗОВ С РОССИЕЙ В XVII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВВ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«КЫРГЫЗСТАН» 1966

А. АРЗЫМАТОВ

ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ЕНИСЕЙСКИХ КИРГИЗОВ С РОССИЕЙ В XVII—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВВ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„КЫРГЫЗСТАН“ 1966

ВВЕДЕНИЕ

Современные социалистические нации киргизов на Тянь-Шане и хакасов в Южной Сибири в составе братской семьи народов СССР дружно строят счастливое будущее — коммунизм. Одним из предков этих двух братских советских народов являются древние киргизы, жившие в Южной Сибири. В процессе передвижений, начавшихся в первом тысячелетии н.э., они вошли как этническая группа в состав различных народностей Центральной и Средней Азии.

Конечным этапом этого длительного процесса является начало XVIII в., когда значительная часть енисейских киргизов под давлением калмакских и своих феодалов переселилась за р. Иртыш в Семиречье. Исследование этого события помогает решению некоторых вопросов истории киргизского, казахского, хакасского и других народов XVIII века.

В связи с поражением киргизских и калмакских феодалов в начале XVIII в., а затем исчезновением их из Южной Сибири был положен конец агрессии джунгарских феодалов в Южной Сибири и в значительной степени подорваны основы существования калмакской степной державы в Джунгарии. Именно с уходом в Джунгарию киргизских феодалов, которые являлись опорой хан-тайчжи в Минусинской котловине, открылись ясные и широкие перспективы для добровольного вхождения в состав России народов Южной Сибири и казахов, находившихся в это время либо под угрозой агрессии, либо под жестоким гнетом калмакского хан-тайчжи. Тем самым создавались объективные условия для завершения процесса формирования в народности ряда племен Центральной и Средней Азии.

Связи между Россией и енисейскими киргизами установились в начале XVII в. При этом прогрессивное влияние русского народа особенно сильно сказалось на настроениях рядовых киргизов и кыштымов киргизских князей. Среди широких масс росли стремления к сближению с русскими и вхождению в состав России. Однако киргизские князья не хотели мириться с этим положением, которое в корне подрывало устои их монопольного господства над родо-племенными группами Минусинской котловины. Они вели борьбу против возрастающего влияния России среди своих кыштымов, а также среди подвластного ясачного населения. Это принесло многочисленные жертвы и материальный урон как русскому населению, так и народам Южной Сибири и временно задержало переход части киргизских кыштымов в состав России. Само собой разумеется, что киргизские феодалы не могли бы долго сопротивляться России, если бы за их спиной не стояли мощные объединения монгольских феодалов-кочевников — государство Алтын-ханов и Джунгария, а с 60-х гг. XVIII в. только Джунгария, использовавшие киргизских князей для того, чтобы сдержать продвижение русских в Южной Сибири.

Только в конце XVII в., в связи с изменением общей политической обстановки в России и усилением военной активности киргизских князей и стоявших за ними калмакских зайсанов, царское правительство предприняло энергичные меры, которые привели к разгрому киргизских феодалов. Вследствие этого в начале XVIII в. большинство киргизских князей ушло с Енисея, уведя с собою часть подвластных им племен.

Задача настоящего исследования состоит в том, чтобы выяснить причины принудительного переселения большей части енисейских киргизов в 1703 г., установить места их новых кочевий, изучить их отношения с казахами Среднего жуза и борьбу против джунгарских феодалов.

Вместе с тем важно показать, что часть бывших енисейских киргизов, как и в древности, мелкими группами вошла в состав тянь-шаньских киргизов, хотя в силу своей небольшой численности и не играла существенной роли в завершении процесса формирования киргизской народности во второй половине XVIII века.

* * *

Основными источниками настоящего исследования являются как опубликованные, так и неопубликованные и ранее никем не использованные архивные материалы Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА, фонд «Сибирского приказа») и Министерства иностранных дел (МИД) — «Дела посольские» за первую половину XVIII в. Многие архивные материалы, впервые использованные в настоящей работе, удалось обнаружить путем просмотра почти всех дел «Сибирского приказа», хранящихся в ЦГАДА, и «Зюнгарских и киргиз-кайсацких дел» МИДа за первую половину XVIII века. Большая их часть представляет собой различные донесения из-за границы, челобитные сибирских служилых людей с просьбами о вознаграждении за службу, посольские журналы, ясачные и другие документы, на первый взгляд не имеющие никакого отношения к истории енисейских киргизов в XVIII в. Многие из этих документов не получили отражения в описях архивных фондов и путеводителях ЦГАДА и поэтому оставались до последнего времени не известными нашим исследователям. Использование новых архивных материалов позволило не только лучше уяснить ход и исход событий, связанных с историей енисейских киргизов, но и разобраться в той сложной дипломатической игре, которую вели киргизские князья и правительство джунгарского хан-тайчжи вокруг вопроса о судьбе енисейских киргизов и других племен Минусинской котловины.

Ввиду ограниченности объема книги автор не имеет возможности включить в нее обзор и критику ранее известных, особенно опубликованных источников, а также исследований русских дореволюционных и советских историков, хотя такой обзор представляет значительный интерес. Однако автор считает своим долгом дать краткий обзор и критический анализ впервые обнаруженных архивных источников, использованных в настоящей работе.

Основные материалы для изучения взаимоотношений енисейских киргизов с калмаками и русскими в начале XVIII в. содержатся в переписке между красноярским, кузнецким и томским воеводами и царским правительством. Большая часть этих документов была опубликована в книге «Памятники сибирской истории XVIII в.»

Новые архивные документы содержат существенные дополнения к опубликованным памятникам. Так, в фондах Сибирского приказа в деле за № 763 имеются чрезвычайно важные для нашего исследования материалы: это письмо томского воеводы Г. П. Соловова, содержащее «перечисленную выписку» о материальном уроне и человеческих жертвах, причиненных населению Томского уезда киргизскими и калмакскими феодалами в результате их набегов в течение 1682—1705 гг.

В делах Сибирского приказа за 1705—1710 гг. мы встречаем совершенно не известные ранее материалы, относящиеся к вопросу об оставшихся на Енисее киргизах и о их судьбе после событий 1703 г.

В 1705 г., когда в основном закончилась борьба между русскими властями в Южной Сибири и киргизско-калмакскими феодалами, приведшая к разгрому и исчезновению последних из Минусинской котловины, русские служилые люди, их начальники, воеводы острогов, одним словом, все, кто принимал то или иное участие в военных действиях против киргизских и калмакских феодалов, обратились к царскому правительству с рядом челобитных. Авторы челобитных просили у царя вознаграждения за активную борьбу, сообщая, когда, где и в каких столкновениях они принимали участие, называя численность и фамилии пленных, захваченных ими в боях, и т. п. Другими словами, челобитные содержат ряд подробностей о ходе военных действий как русских отрядов, так и отрядов киргизских феодалов.

Само собой разумеется, что авторы челобитных всячески стремились приукрасить свою роль в этих событиях и не скупились на преувеличения. Естественно, что челобитные требуют серьезного критического анализа, и принимать их на веру нельзя. Однако, сопоставляя друг с другом факты, содержащиеся в челобитных, а также сравнивая их с уже опубликованными материалами, особенно с документами, которые мы находим в «Памятниках сибирской истории» (кн. 1), удается значительно расширить круг сведений о енисейских киргизах в начале XVIII в. Эти материалы позволяют вскрыть ряд подробностей о военно-разведывательных экспедициях и действиях царских отрядов в «киргизской землице» в 1703—1705 гг. Удается установить местонахождение оставшихся на Енисее после 1703 г. киргизов, получить

данные о силе их сопротивления, об организованных ими совместно с князьями бывших своих кыштымов набегах на русские владения после 1703 г. и т. д. (Сибирский приказ, ф. 214, ед. хр. №№ 789, 849, 1199, 1239, 1719, 1833 и мн. др.).

Найденные в архиве новые материалы, равно как и вскрываемый на базе новых источников ход событий, происходивших в «киргизской землице» после 1703 г., опровергают некоторые важные подробности опубликованного донесения И. Злобина о киргизах от 26 января 1704 г. Дело в том, что зимой 1703—1704 гг. И. Злобин с товарищем был отправлен из Красноярска в «киргизскую землицу» под видом сборщика ясака для того, чтобы собрать сведения об оставшихся на Енисее киргизах и местах их кочевий. По возвращении И. Злобин сообщил, что киргизов никого не осталось, удалось обнаружить только 7 человек «остальцев-тубинцев» (Памятники сибирской истории XVIII в., кн. I, № 59). Эти сведения И. Злобина легли в основу утверждений ряда историков, что киргизы, после увода их из Минусинской котловины калмакскими зайсанами, встречаются в верховьях Обско-Енисейского междуречья лишь от случая к случаю. На деле же, как показывают новые материалы, И. Злобин, не имея с собою вооруженных отрядов, просто боялся углубиться в тайгу и дал неточные сообщения.

Сопоставление ранее известных документов с новыми архивными данными позволяет выяснить ряд вопросов, связанных с историей передвижения енисейских киргизов в Семиречье в XVIII в. Из числа многочисленных челобитных служилых людей особое значение для решения этих вопросов имеет донесение Г. П. Соловова от 1 сентября 1707 г. об аресте и доставке в Томск двух шуйских татар — Конзачачко Уханкова и Кучелайко Тайбукина и одного киргиза по имени Шерлучачко (Сибирский приказ, ф. 214, ед. хр. 1018, лл. 22—23). Из протокола их допроса выяснился ряд важных фактов. Так, Уханков и Тайбукин вместе с киргизами были уведены калмакскими зайсанами, но в верховьях Иртыша во время нападения казахов бежали. Следовательно, нам определенно стало известно, что уведенные енисейские киргизы дошли до р. Иртыш (Сибирский приказ, ф. 214, ед. хр. 927, лл. 58—62).

Что касается пленного киргиза Шерлучачко, то из его показаний стало ясно, что во время насильственного угона киргизов калмакскими и киргизскими феодалами значительная часть киргизов сумела укрыться. Все это заставило пересмотреть установившиеся точки зрения о размахе принудительного переселения енисейских киргизов калмакскими феодалами. К этому же выводу приводит содержание и других новых документов.

Совершенно не разработанный фактический материал содержится в журналах русского посла майора Угрюмова, находившегося в ставке хан-тайчжи на р. Или (1732—1734 гг.), и в делах калмакского посла Борокургана в Петербурге (в 1721 г.), которые хранятся в «Зюнгарских делах» архива МИДа. В журналах майора Угрюмова имеются записи о переговорах, которые он вел с правительством хан-тайчжи и, в частности, об енисейских киргизах. Как видно из этих записей, в ходе переговоров вопрос о переселении енисейских киргизов занимал немалое место во взаимных претензиях, причем джунгарское правительство даже требовало передачи ему оставшихся на Енисее 300 кибиток киргизов, которые приняли подданство России (МИД, Зюнгарские дела. 1731—1733 гг., опись 113/1, дело № 3, лл. 67—223).

Небезынтересно, что правильность сведений о численности оставшихся на Енисее киргизов была подтверждена другим важным источником — рапортом сибирского губернатора царскому правительству и ответной нотой последнего Джунгарскому хан-тайчжи, где доказывалось, что указанные киргизы являются подданными России (МИД, Зюнгарские дела. 1735 г., № 1, лл. 9—65).

В связи с этими документами особый интерес приобретает ряд новых материалов, обнаруженных в фондах Сибирского приказа за 1707—1710 гг. Среди них мы находим список и названия пяти киргизских улусов, принявших русское подданство (ф. 214, ед. хр. 1239), а также отписки томского воеводы к царю, содержащие сведения о прибытии в 1707 г. в Абаканский острог двадцати «лучших людей» из разных киргизских и других улусов, обещавших ежегодно вносить в царскую казну установленный с них ясак (дань). Характерно, что в приходной книге по сбору ясака с населения Красноярского уезда за тот же год мы находим записи о том,

что из Корчунской волости внесли ясак 55 киргизов (ф. 214, ед. хр. 1948, лл. 1—25).

Таким образом, материалы «Зюнгарских дел» и «Сибирского приказа» хорошо увязываются друг с другом, взаимно подтверждают и дополняют наши сведения новыми данными.

Одним из важных источников, использованных в настоящем исследовании, являются не известные ранее вестовые сообщения специальных русских агентов из «калмыцкой землицы», т. е. из Джунгарии. В «Зюнгарских делах» архива МИДа и в фондах «Сибирского приказа» ЦГАДА хранится большое количество таких донесений, доставленных из Джунгарии после принудительного переселения сюда енисейских киргизов.

Эти донесения русских агентов характеризуют отношения Джунгарии с казахами, манчжурской династией в Китае, кашгарско-ферганскими киргизами, которые именуются «бурутами», и т. д. Особый интерес представляют имеющиеся в донесениях сведения о судьбе уведенных енисейских киргизов, о новых местах их кочевий, а также об их отношениях с бурутами, т. е. тянь-шаньскими киргизами. Так, в июле 1707 г. царское правительство отправило по разным направлениям трех своих специальных людей из Кузнецка в «калмыцкую землицу» для «воинских вестей». Двое из них — сын боярский Е. Кириллов и конный казак Артем — были отправлены в Ашкыштымскую волость к Телеуцкому князцу Аюгану а третий, Алагыз Балаев, происходивший из белых калмаков, как человек, не вызывающий никаких подозрений среди калмаков и имеющий в силу этого возможность получить больше сведений, нежели кто-либо другой, был отправлен прямо в Джунгарию к белым калмакам, кочевья которых были расположены либо смешанно, либо по соседству с бывшими енисейскими киргизами в районе верхнего Иртыша.

Добытые этими агентами сведения о положении дел в Джунгарии представляют исключительно большой интерес. Они сообщают о крупном поражении, понесенном калмаками от войск манчжурского императора, и о намерении хан-тайчжи перекочевать в связи с этим поражением из района р. Или в район Иртыша. При этом Е. Кириллов специально подчеркивает, что манчжурские войска «побили» «в верх Иртыш реки у Амели реки у

контайши многих людей», в том числе «киргиз и телеут, которые взяты были (с Енисея. — А. А.) к нему контайше».

В донесении Е.Кириллова мы встречаем также упоминание о том, что князь белых калмаков Шаль дважды посылал белых калмаков, живших вместе с бывшими енисейскими киргизами, «для проведывания бурутов», но оба раза его отряды терпели поражение.

Донесение Алагыза Балаева, побывавшего у самих белых калмаков, конкретизирует это сообщение. Из него мы узнаем, что хан-тайчжи «для осторожности от бурутов» взял к себе в Ургу людей из белых калмаков и из киргизов (бывших енисейских. — А. А.) всего 700 человек; из них от разгрома, нанесенного бурутами, спаслось бегством только 30 человек («Сибирский приказ», ф. 214, ед. хр. № 1008, лл. 19—20).

Таким образом, из этих донесений следует, что бывшие енисейские киргизы, жившие на р. Иртыше вместе с белыми калмаками, находились, как и раньше, в зависимости от хан-тайчжи и не имели никаких связей и отношений с бурутами, если не считать участия в военных действиях на стороне джунгарских войск против бурутов. Хан-тайчжи, как видно из этих сообщений, стремился противопоставить бывших енисейских киргизов независимым от Джунгарии бурутам — тянь-шаньским киргизам.

Сопоставляя сведения разных людей, побывавших в разное время в «калмыцкой землице», удается более или менее точно установить районы новых кочевий енисейских киргизов, уведенных калмакскими зайсанами. Эти кочевья находились в бассейне верхнего притока Иртыша реки Амели. Примерно на том же месте застали их в 1731 году царские представители в Джунгарии по обмену пленных и перебежчиков Сорокин и Этыгаров (МИД. Зюнгарские дела, 1731 г., опись 149, лл. 179—223) и в 1785 г. капитан Андреев, который сообщил данные о численности «лучших людей» киргизов и количестве находящегося у них скота.

Уместно здесь подчеркнуть, что обнаруженные нами новые архивные источники, относящиеся к XVIII в., целиком и полностью опровергают противоречивые донесения сибирских воевод XVII в. о численности киргизов и основанные на этих сообщениях утверждения советских

историков о том, что численность енисейских киргизов в XVII в. колебалась от 300 до 1000 человек.

В связи с переселением енисейских киргизов в Джунгарию в начале XVIII в. особый интерес вызывали у русских властей не только сведения об отношении их с бурутами, но и данные об отношениях бурутов с Джунгарией. Царское правительство, не ограничиваясь сведениями, полученными от Алагыза Балаева и Е. Кириллова, в последующие годы отправляло своих послов в ставку хан-тайчжи и специальных агентов, собиравших в Джунгарии разведывательные материалы, и требовало от них, чтобы они собирали сведения о численности, местах кочевий и об отношениях тянь-шаньских киргизов с Джунгарией. Как известно, капитан Унковский, в 1721 г. побывавший в районе оз. Иссык-Куль, сообщил ряд данных о численности здешних бурутов.

Русское правительство особенно заинтересовалось тянь-шаньскими киргизами с 40-х годов XVIII в., когда государственное объединение калмаков в Джунгарии приближалось к своей гибели. В «Зюнгарских делах» за 40—50-е гг. XVIII в. хранятся сведения о бурутах, в том числе любопытные известия о независимых западных киргизах (МИД, Зюнгарские дела, 1741 г., опись 113/1, дело № 1, л. 68, дело № 2 за 1752 г., л. 8). Среди них мы встречаем сообщение о бегстве в 1752 г. немалого числа калмакских зайсанов и киргизов (бывших енисейских.— А. А.) под командованием бурутов из Урги (ставки хантайчжи) к западным киргизам.

Будучи ярким документом своей эпохи, привлеченные нами ранее неизвестные архивные материалы не только обогащают нас новыми фактами, не только позволяют уточнить ряд данных и решить некоторые спорные вопросы, но и дают возможность составить более четкое представление о киргизах как Тянь-Шаня, так и енисейских.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЕНИСЕЙСКИХ КИРГИЗОВ С РОССИЕЙ В КОНЦЕ XVII И НАЧАЛЕ XVIII ВВ.

События 1703 г., связанные с переселением большей части енисейских киргизов за р. Иртыш и в Семиречье и вхождением оставшегося на Енисее населения в состав русского многонационального государства, нельзя рассматривать как случайное явление. Чтобы правильно понять и оценить эти события, уместно хотя бы в общих чертах осветить некоторые моменты истории енисейских киргизов до конца XVII в.

Енисейские киргизы впервые стали известны русским властям еще в 1567 г. из донесений русских послов Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева, отправленных царским правительством к монгольскому алтын-хану. В своих путевых записках они отмечают среди многочисленных местных племен и воинственное племя киргизов.

Непосредственные отношения енисейских киргизов с Россией начали складываться в связи с русской колонизацией бассейна верхнего течения Оби и Енисея. В начале XVII века еуштинский князь Тоян обратился к царю с просьбой о принятии его племени в русское подданство и оказании ему помощи в борьбе против нападений внешних врагов, среди которых он называет и более могущественных и многочисленных киргизов. Одновременно Тоян развивал планы включения в состав Русского государства других местных племен и предлагал свои услуги в осуществлении этих планов. В связи с этим ходатайством в марте 1604 г. была начата постройка на р. Томи острога, который превратился затем в город Томск. В 1608 году русские представители из Томска побывали у киргизов и завязали сношения с одним из киргизских князей по имени Номча. С этого времени

разнообразные сведения о енисейских киргизах постоянно встречаются в русских архивных документах.

В XVII веке енисейские киргизы жили на водоразделах Обско-Енисейского междуречья. Местом их кочевий на севере были верхние притоки р. Чулыма—Урюп, Сарала, рр. Белый и Черный Июс, а также район Белого и Божьего озер, вплоть до Ачинска. На юго-востоке границы киргизских кочевий вплотную подходили к р. Енисей и Саяно-Абаканскому плоскогорью. Наконец, часть киргизов — тубинцы — жили на правом берегу Енисея в бассейне р. Тубе или Упсе.

На этой обширной территории, кроме собственно киргизов, а зачастую смешанно с ними, жили и другие племена, частью родственные киргизам по языку, частью принадлежавшие к другим языковым группам. Таким образом, на «киргизской землице», как называют ее русские источники XVII в., мы встречаемся с целым конгломератом племен, которые отнюдь не являлись единой, сформировавшейся народностью. Ведущее место среди них занимали киргизы, князья которых возглавляли отдельные княжества — улусы.

Центром этого района, лежавшим «посеред киргизской землицы», был район р. Белый Июс, где стоял так называемый «каменный городок» и происходили съезды киргизских феодалов. Небезынтересно отметить, что, по сообщению персидского историка XI в. Гардизи, еще в IX—X вв. здесь находилась ставка киргизского кагана. Перед нами, следовательно, традиционный центр енисейских киргизов.

О численности енисейских киргизов в XVII в. в источниках имеются отрывочные и подчас противоречивые сведения, что привело к путанице в исторической литературе.

Некоторые историки, ссылаясь на сообщения отдельных сибирских воевод о численности ясачных и неясачных племен, в том числе и киргизов, полагают, что их численность не превышала тысячи человек[1]. Однако сибирские воеводы в целях личной наживы за счет ясака, собранного с местного населения, сознательно приуменьшали его численность, сведения их нередко противоречивы и не вызывают доверия.

[1] Л. П. Потапов. Происхождение и формирование хакасской народности. 1957, стр. 14—15.

Так, в 1616 году сибирские воеводы доносили в Москву, что «киргизов самих с 300, а черных людей ясачных мужиков, а по-киргизски кыштымов с 1000 человек»[1]. Эта цифра повторяется и в 1675 г. в донесении русского посла в Китай Н. Спафария[1]. Получается, что киргизы представляли собой очень малочисленную группу населения. А между тем известно, что они играли весьма активную роль в сложных отношениях, которые складывались в Южной Сибири в течение XVII в.

Недостоверность данных о численности киргизов выясняется и при сравнении их с донесениями 1703 года о насильственном угоне енисейских киргизов в Джунгарию. В них сообщается, что калмаки угнали 1500 юрт киргизов, то есть примерно 6000—7000 человек, причем говорится, что «ныне де в киргизской землице киргиз никого нет»[2].

Если даже принять на веру утверждения сибирских воевод об угоне с Енисея всех проживающих здесь киргизов, то получится, что за 60 лет—с 1616 г. по 1675 г.—численность киргизов не претерпела никаких изменений, а за последующие 40 лет — с 1675 г. по 1703 г.—выросла более чем в 6 раз. Уже одно это вызывает глубокие сомнения в правильности цифр, приведенных в донесениях 1616 и 1676 годов.

Но подлинного доверия не заслуживают и данные, содержащиеся в донесении 1703 г., в частности утверждения об угоне калмаками всех киргизов. В самом деле, если после событий летом 1703 г. на Енисее вообще не осталось киргизов, то была ли какая-нибудь необходимость для томского воеводы дважды — в ноябре 1703 г. и в марте 1704 г. — организовывать так называемый «киргизский поход», посылая в тайгу довольно многочисленные по местным масштабам отряды.

Совершенно очевидно, что на Енисее оставалась в это время еще значительная группа киргизов, а общее их число в этом районе к началу XVIII в. было больше, чем те 1500 юрт, которые увели с собой калмаки.

Таким образом, при установлении общей численности енисейских киргизов в XVII веке ни в коем случае нельзя

[1] Записи Русского географического общества по отд. этнографии, т. X, выпуск 1, 1882, стр. 85.

[2] Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. 1. СП-б, 1882, стр. 232, 234.

полагаться только на сообщения сибирских воевод. Ясно, что эта численность значительно превышала цифру в 1000 человек, названную в донесениях 1616 и 1675 гг. и некритически использованную некоторыми историками. Более достоверными представляются сведения, исходящие от людей, которые не были материально заинтересованы в представлении приуменьшенных данных. Таково, в частности, уже упоминавшееся выше сообщение еуштинского князя Тояна, определявшего численность киргизов в 10 тыс. человек[1].

Эти показания Тояна хорошо согласуются с теми прямыми и косвенными данными о численности енисейских киргизов к началу XVIII в., которые приведены нами выше, и могут быть сопоставлены с другими сведениями, относящимися уже к XVIII в. Так, в 1785 году капитан Андреев совершил поездку по казахскому Среднему жузу. В своих путевых записках он упоминает о бывших енисейских киргизах, которые кочуют по реке Иртышу, и указывает, что только их «лучших людей жен и детей считают до 9000, лошадей до 30000, верблюдов до 25000, баранов до 44000»[2]. Эти цифры относятся к той группе енисейских киргизов, которая летом 1703 г. переселилась с Енисея за Иртыш. С учетом естественного прироста населения они дают представление о численности этой группы киргизов к началу XVIII в.

Наконец, имеются достоверные сведения об оставшейся на Енисее сравнительно небольшой родо-племенной группе киргизов, которых в 1732 году калмакский хан-тайчжи насчитывал около 300 кибиток. Правильность этой цифры была подтверждена и в письме сибирского губернатора от 31 августа 1733 г., где содержатся сведения о киргизах, кочующих в Томском и Кузнецком уездах[3]. Если свести воедино данные, относящиеся к началу XVIII в., то окажется, что численность енисейских киргизов составляла в то время более 10 тыс. человек. Во всяком случае И. Миллер, который побывал в Минусинской котловине в первой половине XVIII в., считает,

---

[1] С. В. Бахрушин. Енисейские киргизы. Научные труды, т. III, часть вторая, стр. 198.

[2] Фотокопии. Эти отрывки из записок капитана Андреева хранятся в фондах Института истории АН Кирг. ССР, инв. № 1817.

[3] МИД. Зюнгарские дела, 1741, дело № 1, л. 67.

что енисейские киргизы представляли собой прежде весьма многочисленный по местным масштабам народ[1].

Енисейские киргизы находились в XVII в. на стадии развитого феодализма, переплетавшегося с пережитками патриархально-родового строя. Главным занятием киргизов-кочевников являлось скотоводство. Разводили по преимуществу лошадей, овец, крупный рогатый скот, а также верблюдов, причем скот содержался круглый год на подножном корму. Определенную роль в хозяйстве играла и охота. Кочевья и пастбища находились в собственности киргизских феодалов и передавались по наследству.

В политическом отношении киргизы делились на четыре феодальных улуса (княжества): Езерское (Исарское), Алтырское, Алтысарское и Тубинское. Сколько-нибудь прочного государственного объединения киргизских феодальных улусов не существовало. Все они в рассматриваемое время как в целом, так и по отдельности находились в зависимости от различных государственных объединений монгольских феодалов, а иногда платили ясак и царским властям в Сибири. Князь каждого феодального улуса имел зависимых данников — кыштымов из числа соседних мелких родо-племенных групп. Кыштымами киргизских феодалов были: арины, сагайцы, мингаты, качинцы, шорцы, телеуты, маторы и многие другие небольшие племена, жившие на Саяно-Алтайском нагорье. Таким образом, киргизские феодалы эксплуатировали не только своих соплеменников, но и иноплеменных кыштымов.

Дань, которую кыштымы платили киргизской феодальной знати, являлась важнейшим источником ее обогащения. Основная обязанность кыштымов заключалась в добыче ценного пушного зверя — соболей, бобров и т. д. и в изготовлении оружия для киргизских феодалов. В свою очередь киргизские феодалы платили албан (дань) одновременно монгольскому алтын-хану и калмакскому (джунгарскому) хан-тайчжи как верховному сеньору. Этот албан киргизские феодалы также выколачивали из своих кыштымов. Итак, кыштымы и рядовые киргизы находились под двойным гнетом — своих и монгольских феодалов. Вот почему кыштымы

[1] ЦГАДА. Портфель Миллера, № 273/506, лл. 25—26.

киргизских князей в течение XVII в. стремились перейти в подданство России, видя в этом гарантию мирной и безопасной жизни.

Установление тесных связей местного населения с русскими явилось серьезным ударом по господствующему положению киргизских феодалов. Стремясь сохранить за собой источник прибыли и объект эксплуатации, киргизские феодалы начали упорную борьбу с царскими властями в Сибири. Чтобы правильно понять характер и особенности этой борьбы, необходимо учитывать и то, что действия царских воевод далеко не всегда совпадали с официальной политикой царского правительства. В течение всего XVII в. центральное правительство стремилось обеспечить регулярное и притом в возрастающих размерах поступление ясака пушниной, который выплачивали подвластные России народы Сибири. Однако царские власти в Сибири располагали весьма ограниченными силами, главным образом сравнительно небольшими по численности отрядами русских служилых людей. Учитывая это, царское правительство предписывало сибирским воеводам добиваться распространения русской власти в основном мирными средствами, устанавливало сравнительно умеренные размеры ясака, запрещало воеводам вмешиваться во внутренние отношения местных народов. На практике, однако, царские воеводы и их чиновники сплошь и рядом нарушали эти предписания.

Источники полны сведений о том, что сборщики ясака с благословения воевод брали ясак сверх «положенного государю», не останавливаясь подчас перед прямым грабежом, жертвами которого становились иногда и представители правящей верхушки местных народов. Так, в 1609 г. представители томского воеводы буквально раздели жену киргизского князя Номча, сняв с нее соболью шубу. Нередки были случаи, когда воеводы и их чиновники присваивали ясак, ложно донося в Москву о неуплате дани или разграблении собранного ясака, и добиваясь разрешения на проведение нового сбора. С целью личной наживы они подчас преувеличивали размеры ущерба от набегов «разбойных киргиз». Бывали случаи, когда ясак с одних и тех же родов собирался одновременно воеводами разных городов. Насилия и злоупотребления местных царских властей вызы-

вали раздражение и у феодальной верхушки, и у массы рядового населения.

Не удивительно, что киргизские феодалы не доверяли царским воеводам, видели в их действиях угрозу своим интересам и, используя недовольство рядового населения произволом царских чиновников, втягивали часть рядовых киргизов в ту борьбу, которую киргизская феодальная знать вела за сохранение своего господства над народами Южной Сибири против возраставшего влияния России. В ходе этой борьбы киргизские князья временами объединялись между собою, причем за их спиной стояли более сильные государственные объединения: сначала одновременно монгольские и джунгарские феодалы, а затем только последние, которые также были заинтересованы в ликвидации русского влияния на народы и племена Южной Сибири и обеспечении за собой регулярного получения албана. Используя помощь монгольского алтын-хана и джунгарского хан-тайчжи в борьбе против России, киргизские феодалы вместе с тем временами не прочь были опереться на поддержку русских воевод в борьбе против чрезмерных притязаний и насилий своих сеньоров. Такое лавирование открывало киргизским князьям возможность в течение долгого времени сохранять известную самостоятельность. С другой стороны, оно приводило к тому, что киргизы подчас находились одновременно в формальной зависимости от всех трех государств: «даем де ясак, — жаловались киргизские князья сибирским властям России в 1627 году, — один государю, а другой алтын-царю, третий ясак черным калмыкам карагул-тайши»[1]. Однако, как бы причудливо ни складывалась политическая обстановка, главным для киргизской феодальной знати было сохранение господства над кыштымами. Во имя этого она вела борьбу против усиливавшегося влияния России. Эта борьба часто носила характер грабительских набегов киргизских феодалов на мирные русские поселения, а также на те местные племена, которые приняли подданство России. Иногда она принимала форму организованных походов против русских укрепленных пунктов.

Первое столкновение русских властей с енисейскими киргизами произошло в 1609 году. В этом году царские

[1] С. В. Бахрушин. Енисейские киргизы в XVII в., стр. 192.

сборщики ясака («ясатчики») были посланы непосредственно «в киргизы». Киргизские князья приняли их по-разному. Князь Номча доброжелательно отнесся к их приезду: он не только дал ясак, но и послал с ясаком в Томск свою жену, обещая в дальнейшем лично приехать для переговоров. Другие же киргизские князья во главе с Кочебаем отказались платить ясак и подвергли сборщиков ясака пыткам. Вслед за тем они совершили ряд набегов на ясачные волости Томского уезда. Характерно, что в набегах принял участие и Номча, оскорбленный тем, что в Томске ограбили его жену.

Такие столкновения имели место и в дальнейшем, особенно в конце 20—30 гг. XVII в. Набеги киргизских феодалов на русские мирные поселения вызвали ответные действия со стороны отрядов сибирских воевод. Стремясь обезопасить свои владения и укрепить свою власть над местными племенами, царское правительство построило и укрепило Красноярский, Мелесский и ряд других острогов, которые прикрывали русские сибирские города с юга.

Меры, предпринятые царскими властями в Сибири, заставили киргизских и тубинских феодалов надолго прекратить набеги на русские поселения и ясачные волости.

В 1634 году киргизская феодальная верхушка попыталась разорвать вассальную зависимость от монгольского алтын-хана, разбитого в это время джунгарами, и перешла в подданство джунгарского хан-тайчжи. Этот шаг киргизских феодалов привел к тяжелым последствиям для енисейских киргизов.

Взбешенный переходом киргизских князей на сторону джунгар, алтын-хан Лаудзан для поддержания своей власти над киргизами трижды (в 1652, 1657 и 1666 гг.) организовывал опустошительные вторжения в киргизские улусы. Уже вскоре после первого вторжения, в 1653 году, киргизские и тубинские феодалы обратились к царскому правительству с просьбой поставить острог в Тубинской земле. В 1657 году, после второго нашествия войск алтын-хана, киргизские князья готовы были принять подданство России и искать у нее защиты от погромов и грабежей монгольских феодалов. Так, в письме князя Талая томскому воеводе содержится прямая просьба «оборонить киргизских людей от алтына-ца-

ря». Многие киргизы и их кыштымы, спасаясь от монгольских войск, бежали в Красноярск и обещали платить царю ясак.

Однако в 60-х годах XVII в. военно-политическая обстановка в Южной Сибири серьезно изменилась. Хотя в 1666 г. монгольские войска вновь появились на киргизских землях, однако военное могущество государства алтын-ханов явно клонилось к упадку. В борьбе с джунгарами оно терпело поражение за поражением. Летом 1667 г. джунгары наголову разгромили войска алтын-хана Лаудзана, попавшего в плен к победителям. От этого сокрушительного удара государство алтын-ханов уже не могло оправиться. Дальнейший его упадок был ускорен распрями и междоусобицами монгольских феодалов. В начале 80-х гг. XVII в. государственное объединение монгольских алтын-ханов прекратило свое существование. Зато в 60-х гг. XVII в. усиливается и превращается в могущественную феодальную степную державу другое государственное объединение западно-монгольских феодалов — ойротов, или джунгаров. С этого момента в Южной Сибири сталкиваются интересы уже не трех, а двух крупных политических сил — России и Джунгарии.

Уход алтын-хана с арены политической борьбы привел, с одной стороны, к обострению отношений между Россией и Джунгарией, с другой стороны, положил конец политике маневрирования, которую вела верхушка киргизских феодалов. В сложившейся после разгрома алтын-хана политической обстановке киргизские князья должны были отказаться от прежней самостоятельности и сделать окончательный выбор между Россией и Джунгарией.

Поскольку главная цель киргизских феодалов состояла в том, чтобы сохранить и упрочить свое господство над подчиненными им родами и племенами, постольку не могло быть и речи о принятии ими русского подданства. Все шире развертывавшийся добровольный переход племен Южной Сибири в подданство России в корне подрывал их господствующее положение. Этот процесс особенно усилился после разгрома державы алтын-ханов.

Напротив, джунгарское правительство, исходя из своих военно-политических целей, было заинтересовано

не только в сохранении, но и в укреплении господства киргизских князей над населением Минусинской котловины. В этих условиях киргизские феодалы встали на путь окончательного подчинения киргизов и их кыштымов джунгарскому господству.

Хан-тайчжи как верховный сеньор управлял киргизами через своего наместника, который постоянно находился в «киргизской землице» и фактически распоряжался судьбой местных жителей. Киргизские князья обязаны были регулярно ездить в Ургу, где находилась ставка хан-тайчжи, для уплаты албана, а также для отчета в своих действиях.

Зависимость киргизских князей от джунгарского хантайчжи крайне тяжело отражалась на положении рядовых киргизов и кыштымов, которые подвергались двойной эксплуатации со стороны киргизских и джунгарских феодалов. Это вызвало массовое признание киргизскими кыштымами русского подданства, которое означало установление более легких условий эксплуатации по сравнению с грабежами и поборами джунгарских кочевых феодалов. Естественно, что киргизские князья препятствовали действиям своих кыштымов. В этих условиях значительно активизировались грабительские набеги киргизских и тубинских феодалов, действовавших с 60-х гг. XVII в. вместе с калмакскими зайсанами и явно не без ведома джунгарского правительства.

Таким образом, «киргизская земля» превратилась в пограничную провинцию Джунгарии, а силы киргизских князей стали главными силами, при помощи которых правительство джунгарского хан-тайчжи пыталось сдержать русское продвижение в Южной Сибири. В сложившейся в это время новой международной обстановке на первое место среди киргизских феодалов выдвинулся алтысарский князь Еренак. Он направил все свои усилия на осуществление агрессивной политики джунгарских феодалов в Южной Сибири.

После разгрома государства алтын-ханов джунгарами Еренак быстро понял, что удержать господство киргизских феодалов над кыштымами можно только при условии окончательного и беспрекословного подчинения джунгарскому хан-тайчжи и укрепления его власти в Южной Сибири вообще. Уже в 1667 году, вскоре после разгрома алтын-хана Лаудзана джунгарскими войска-

ми, Еренак вместе с тубинским князем Талаем окончательно признал власть победителей и обязался платить джунгарскому хан-тайчжи албан. Верность своему сюзерену Еренак соблюдал постоянно. Не случайно во время переговоров с представителями царских властей в Сибири 10 февраля 1680 года он откровенно заявил: «Я де Ереначко готов за великого государя биться, и в городы весть подавать, кроме того куда де пойдет Кеген Тайша, а об Кегене де вести не подам»[1]. Это постоянство киргизских феодалов, помимо указанных выше соображений, имело еще одну причину: Еренак и его преемники явно рассчитывали на то, что в случае окончательного поражения они вместе со своими кыштымами найдут убежище на территории Джунгарии. В этой связи чрезвычайно интересно заявление, сделанное Еренаком еще в 1666 году, когда он грозил, что, «развоевав красноярских и енисейских, и томских ясашных людей», он хочет «отъехать в черные калмыки, а на своей киргизской землице жить не хочет»[2]. Заметим здесь, что в 1703 г. после ряда крупных поражений киргизские феодалы при помощи джунгарских зайсанов действительно угнали большую часть рядовых киргизов и кыштымов в глубь Джунгарии.

В свою очередь, хан-тайчжи ценил преданность Еренака и всячески укреплял его власть и власть киргизских феодалов над кыштымами, в то же время натравливая их против русских. При поддержке джунгар Еренак фактически превратился в феодального главу киргизских князей.

Таким образом, в 60-х гг. XVII в. с переменами в международной обстановке произошли перемены и в характере политического строя киргизов: прежде независимые друг от друга киргизские князья, признававшие каждый в отдельности власть различных иностранных государств, теперь объединяются под властью одного князя. Окончательно определяется и верховный сюзерен всех киргизских феодалов — джунгарский хан-тайчжи. Тем самым совершенствуется иерархическая структура управления населением, типичная для феодалов-кочевников.

[1] Л. П. Потапов. Происхождение и формирование хакасской народности.

[2] Дополнения к Актам Историческим, том V, документ № 5.

Как верный вассал Джунгарии, Еренак последовательно проводил в жизнь агрессивную политику джунгарского правительства. Он выступал как организатор грабительских набегов и походов киргизских и калмакских феодалов на мирные русские поселения и население ясачных волостей. Возглавляемые Еренаком киргизские феодалы не довольствовались только ограблением соседних народов. Они стремились распространить свою власть и власть своего верховного сеньора на население, платившее России ясак. Так, в 1667 году, действуя от имени джунгарского правительства, Еренак потребовал от сибирских властей России, чтобы ясачные аринцы и качинцы платили албан джунгарскому хан-тайчжи. Одновременно угрозами и уговорами он пытался добиться от этих ясачных племен «отпадения» от русского подданства, угрожая в противном случае применить военную силу.

Само собой разумеется, что нападения киргизских князей встречали отпор со стороны русских воевод. Однако следует подчеркнуть, что царское правительство по-прежнему придерживалось по отношению к киргизам мирной политики, стремясь к мирному урегулированию отношений с ними. Стараниями русских властей удавалось неоднократно добиваться мирных соглашений с киргизскими князьями. Нам известны, в частности, соглашения, достигнутые в 1678, 1680, 1685 гг. Еренак вынужден был итти на заключение мирных договоров под угрозой ответных ударов отрядов сибирских воевод. Временами он формально признавал даже русское подданство, давал «шерть» (присяга) на верность и оставлял своих аманатов (заложников) у русских воевод.

После смерти Еренака в середине 80-х годов XVII в. его сын Корчун, ставший князем алтысарского улуса и возглавивший, как и Еренак, всю «киргизскую землицу», продолжал разбойничью политику отца. Киргизские, тубинские и калмакские феодалы по-прежнему систематически нарушали официальные мирные соглашения с Россией и совершали набеги на русские поселения и ясачные волости. Зависимость енисейских киргизов от калмакских феодалов еще больше усилилась, а их князья окончательно превратились в покорных слуг джунгарского хан-тайчжи. В «киргизской землице» постоянно находились наместники хан-тайчжи, среди которых особенно

хорошо известны нам зайсаны Бичик и Абы. Наместник, в свою очередь, имел представителей почти во всех киргизских улусах.

Вся высшая власть и общее командование отрядами киргизских феодалов и калмаков, численность которых в «киргизской землице» возросла, были сосредоточены в руках наместника хан-тайчжи, который сильно ограничивал своевольные действия киргизских феодалов. С другой стороны, наиболее видные и сильные киргизские князья нередко получали калмакский феодальный титул — «тайчжи». Таким титулом в переговорах с представителями царских властей в 1701 г. названы были двое из киргизских князей — езерский князь Шорло Мерген тайчжи и алтырский князь Тангут Батыр. Впрочем, это не мешало хан-тайчжи и его наместникам распоряжаться жизнью и судьбою даже виднейших киргизских феодалов. Так, во время переговоров с томским воеводой после неудачного похода на Кузнецк наместник хан-тайчжи, в ответ на требование выдать в качестве аманата самого влиятельного киргизского князя Корчуна, заявил, что «они де, зайсаны, киргизскова князца Корчинкова хотели отдать в Томской головою»[1], если бы русские власти свели Каштацкий острог, поставленный близ серебряного рудника, принадлежащего хан-тайчжи. Можно думать, что киргизские князья давали в это время аманатов и джунгарским властям. Когда царские воеводы в 1701 г. требовали выдачи в аманаты сына сильнейшего из киргизских князей Шорло Мергена, то последний ответил, что не может этого сделать, так как его сын находится у калмаков[2].

В документах часто упоминается о поездках киргизских князей, особенно алтысарского князя Корчуна с братом и алтырского князя Таин Иркина, в Ургу к хан-тайчжи для уплаты албана, а возможно, и для получения инструкций и указаний от джунгарского правительства.

Все действия киргизских князей оказались под строгим контролем джунгарских наместников. Киргизские феодалы фактически лишены были права самостоятельно вести переговоры с русскими властями. Представители сибирских воевод, ехавшие в «киргизскую землицу»,

---

[1] Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. 1, № 23.
[2] Там же, № 37.

прежде всего останавливались у калмакского наместника и уведомляли его о содержании предстоящих переговоров. Лишь после этого по разрешению наместника начинались переговоры с киргизскими князьями, происходившие всегда в присутствии представителя хан-тайчжи. Таким образом, киргизские князья, формально выступая как самостоятельная сторона, фактически все время находились под контролем джунгарских властей и действовали по их указаниям. Такая тактика позволяла джунгарскому правительству, избегая непосредственного открытого столкновения с отрядами сибирских воевод, вести борьбу с их продвижением в Южной Сибири через своих вассалов — киргизских князей. Представляя их как формально самостоятельную сторону, джунгарское правительство использовало их силы для борьбы против России. Впрочем, уловки джунгарской дипломатии не были тайной для русского правительства. В случае киргизских набегов сибирские власти прямо обращались к джунгарским представителям, требовали, чтобы «они смирили» киргизских князей.

Полностью овладев «киргизской землицей», джунгарское правительство в конце XVII — начале XVIII вв. активизировало свою политику в Южной Сибири, стремясь расширить сферу своего влияния к северу от Минусинской котловины. В январе 1692 г. тубинский князь Шандык, оставив «свою Тубинскую землицу», перешел на Канскую землю, формально приняв присягу и обязавшись платить ясак России. Он заверил красноярского воеводу о своем намерении принять русское подданство, однако скоро нарушил свое обещание и вместе с другими киргизскими князьями произвел опустошительный грабительский набег на ясачное население Канского района: «бил, мучил, а иных побивал до смерти, и ясак отымал, и чинил всякое разорение». Канские ясачные люди обратились с просьбой о помощи к красноярскому воеводе и просили прислать против тубинцев и киргизов отряды сибирских служилых людей.

В феврале 1692 г. из Красноярска против Шандыка был отправлен отряд служилых людей под командованием Василия Многогрешного и Тита Саламатова. Они сделали сначала попытку начать мирные переговоры с Шандыком, но последний решительно отклонил их предложения. В происшедшем после этого сражении, про-

должавшемся целый день, тубинцы и киргизы были разбиты и понесли значительные потери (до 1200 человек)[1]. После этого разгрома силы тубинских феодалов были значительно ослаблены, в документах начала XVIII в. они почти не упоминаются. Впрочем, во время переговоров между киргизскими князьями и русскими представителями в сентябре 1701 г. встречается имя тубинского князя Курача.

Под влиянием неудачи тубинцев начинается деморализация среди киргизских феодалов. Большинство их изъявляло несогласие с действиями князей Корчуна и Чагуна, которые продолжали нападать на Томский уезд. Напуганные поражением, киргизские феодалы готовы были пойти на любые соглашения с царскими воеводами, лишь бы они не затрагивали их господствующего положения над кыштымами. Но осуществить эти намерения они не смогли, так как находились под контролем джунгарского правительства.

В конце XVII — начале XVIII вв. русско-джунгарские противоречия в Южной Сибири обостряются как никогда ранее. После разгрома в 1692 г. коалиционных сил тубинских и киргизских феодалов царское правительство резко активизировало свою политику в Южной Сибири. Это было связано с изменениями всей политики России в Сибири и на Востоке вообще и вызывалось серьезными сдвигами в экономической и политической жизни страны на рубеже XVII—XVIII вв. Бурный подъем «заморской торговли», напряжение ресурсов и финансового баланса России в связи с военно-хозяйственными предприятиями Петра I имели следствием повышенный спрос на пушнину — важную статью экспорта и главный предмет ясачного обложения сибирских народов. Это вызвало общий рост размеров ясака и беспрерывные требования царского правительства, чтобы местные сибирские власти изыскивали новых плательщиков ясачной подати за счет распространения власти России на народы Сибири. Одно это вело к усилению активности царских воевод.

Более того, в поисках средств правительство Петра I разрабатывало многочисленные проекты эксплуатации золотых и серебряных рудников, вплоть до проекта раз-

[1] Памятники Сибирской истории, кн. 1, № 1, 27.

ведок в районы Яркенда. Сибирь с ее неизведанными рудными богатствами привлекала пристальное внимание петровских «прибыльщиков». Южная Сибирь, где залежи серебряных руд были известны издавна, вызывала, естественно, особый интерес царских властей в Сибири и самого петровского правительства.

В 1697 г. на речке Каштаке, на месте, где находились серебряные рудники, являвшиеся монопольным владением хан-тайчжи, был построен новый острог. Киргизские князья в течение трех дней безуспешно пытались помешать постройке Каштацкого острога, но вынуждены были отступить. Каштацкий острог стал главным узловым пунктом русско-джунгарских противоречий. О его судьбе велись бесконечные переговоры с киргизскими князьями, использовавшими его построение как повод для разбойничьих набегов и походов на русские города и уезды.

В 1698 году князья Улага, Кашка и Итпола отправили своих представителей к Томскому воеводе, требуя «свести» Каштак, так как «та де земля киргизская...» Киргизские феодалы напоминали томским властям, что «прежде приходу на Каштак служилых людей киргизские князцы и улусные люди промеж собою в киргизской земле говорили, что де ... против нашей прежней шерти (присяги) им, киргизам, не переходить на сю сторону Июса к Томскому, а томским служилым людям за Июс не переходить на их сторону»[1]. Однако царское правительство не склонно было к уступкам.

25 февраля 1699 г. специальным указом царя томскому воеводе велено было задержать в Томске киргизских князей Итполу (двоюродного брата Еренака) и его товарищей, прибывших для переговоров о Каштацком остроге, и «держать за караулом до тех мест, как они, поймав, в Томской пришлют киргизского ж князца Корчунка да Чагунка Ереняковых». С их прибытием в Томск воевода должен был всех киргизских князей и «улусных лучших людей привести по их вере к шерти вновь», взяв при этом в аманаты (заложники) родственников Корчуна и Чагуна с тем, чтобы они впредь в Томский уезд «войною не приходили»[2]. Однако выполнить этот указ

---

[1] ЦГАДА. Портфель Миллера, 478, II, № 49.
[2] Памятники Сибирской истории, кн. I, № 3.

оказалось невозможным: князь Корчун и его брат вплоть до декабря 1699 г. не явились в Томск, а вскоре сибирским властям стало известно о подготовке ими похода на русские города.

В январе 1700 г. из допросов пленных и русских людей, побывавших в киргизских улусах, выяснилось, что «у киргиз меж собой был совет, что им киргизам быть под Томской войною в сенокос или в жнитвенную пору». Один из допрошенных уточнил, что киргизы в числе 1300 человек хотят идти «под Томской на три дороги, а срок де положен 4 сентября». Другой допрошенный, Ф. Чередов, сообщил, что он слышал «от контайшиных людей», будто киргизские князья «приезжали к нему Контайше и говорили о поставке острогу на Каштаке для серебряного промыслу... И по их де челобитью Контайша посылал зайсана Джасыма, ханова сына, а с ним 100 человек с ружьем, и велел послать посланцев в Томской или к Москве, чтобы тот острог свести и серебра не плавить, а буде острога не сведут, с государскими людьми воевать».

О подготовке киргизских князей и хан-тайчжи к новому походу было известно и из других источников. Это вызвало серьезную озабоченность сибирских властей, срочно сообщивших в Москву о новых набегах киргизов. В донесении указывалось, что «Арабтана контайши люди, киргизы, телеуты, черные калмыки Томского же уезду приходят многолюдством воровски человек тысячи по три и больше и меньше с ружьем ... и чинят всякое разорение». Сибирские воеводы требовали «их смирить», указывая, что это можно сделать, лишь собрав силы казачьих полков Томска, Кузнецка и Красноярска. Одновременно они указывали, что лучшее время для похода «январь месяц, когда у них всякой скот телитца» и можно «застать их, киргиз, на месте», тогда как в другое время «неприятельские люди набегают конницею изгоном»[1].

В Москве чрезвычайно серьезно отнеслись к тревожным сообщениям из Сибири. В Сибирском приказе был составлен специальный доклад, подводивший итоги материальному ущербу, причиненному набегами киргизских, тубинских и калмакских феодалов с 1682 г., и пред-

[1] Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. I, № 1, 2.

ставлявший собой своеобразный реестр русских претензий, призванный оправдать дальнейшие действия царских властей[1].

15 марта 1700 г. томскому воеводе Г. Петрову-Соловову была прислана грамота, предписывавшая ему «великим осмотрением и проведав тайно накрепко о силе киргиз тех воров киргиз против прошлых лет смирить войною». При этом томский воевода должен был договориться с красноярским и кузнецким воеводами о совместном выступлении «в одно время и дни назнача», чтобы внезапным ударом с трех сторон разгромить силы киргизских князей. Воеводе приказывалось действовать «с большою осторожностью», чтобы «людям не учинить напрасного урону». В заключение грамота содержала предупреждение о необходимости держать в тайне подготовку похода. Аналогичные грамоты были направлены красноярскому и кузнецкому воеводам, которым предписано было всемерно поддержать действия томских служилых людей[2]. Таким образом, царское правительство впервые решило «смирить их (киргизов) войною». Сибирским воеводам было приказано от выжидательной политики перейти к активным военным действиям против киргизских феодалов.

20 апреля 1700 г. томский воевода, «не дожидаясь приходу войною киргизов», приступил к организации против них военно-разведывательной экспедиции по двум направлениям. Один отряд численностью в 600 чел. во главе с С. Тупольским и Ю. Роецким двинулся вверх по р. Томи, другой отряд численностью в 300 человек во главе с О. Качановым пошел вверх по р. Яю. Всем им было приказано разбить силы киргизских князей, а также в местах, «где належить путь киргизским людям, в лесах, в тесных местах и на переправах дороги завалить лесом», чтобы «киргизы Томский уезд войною не разоряли». Однако этот поход в общем носил скорее разведывательный характер. Отряды служилых людей выискивали киргизские юрты до Божьего озера, а оттуда продвинулись по р. Базыр, «и с тех мест в той их киргизских и шуйских татар землице во многих урочищах ходили и всякой поиск над ними чинили». Киргизы не

---

[1] ЦГАДА. Сибирский приказ, 214, опись 5, ед. хр. 763, л. 46.
[2] Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. 1, № 6, 26.

оказали серьезного сопротивления и бежали «со старых мест в иныя дальния места». Через 6 недель после начала похода он был прекращен, так как «вдаль за ними гнатца было нельзя для того, что захватила бездорожица»[1].

Вскоре после этого, в мае 1700 г., было снаряжено посольство А. Кожевникова в «киргизскую землицу к представителям хан-тайчжи для переговоров о «киргизских винах». Миссия А. Кожевникова носила в значительной степени разведывательный характер: Кожевников должен был попытаться заключить мир с киргизскими князьями, однако главное заключалось в том, чтобы выяснить сложившуюся в «киргизской землице» обстановку, узнать настроения киргизских феодалов и позицию джунгарских представителей, находившихся в киргизских улусах.

8 июля 1700 г. А. Кожевников прибыл в улус князя Таганака, откуда его доставили к представителю хантайчжи в киргизской земле Лобзану, которому Кожевников подробно изложил «киргизские вины». Лишь после этого в Алтысарском улусе, куда Кожевников приехал вместе с джунгарским представителем Лобзаном, в присутствии последнего состоялись переговоры с князем Корчуном. В ходе переговоров Корчун отказался взять на себя ответственность за нападения, которые «де в прошлых годах отец мой Ереняк чинил». Что касается военных действий, предпринятых под руководством самого Корчуна и его брата Чагуна, то Корчун объяснил их действиями русских властей, которые «Каштацкий острог поставили на киргизской землице насильством своим». На замечание русского представителя, утверждавшего, «что Каштацкий острог поставлен... по сю сторону Июсов на государской земле, а не на киргизской стороне», Корчун ответил резким требованием уничтожить Каштацкий острог и угрозами, что «будет де и впредки Каштак сведен не будет, и я воевать стану». Чрезвычайно характерно, что джунгарский представитель Лобзан, по словам Кожевникова, «против того ничего не говорил».

Когда Кожевников, закончив переговоры с Корчуном, готовился к отъезду в Томск, его неожиданно пригласи-

[1] Памятники Сибирской истории XVIII в, кн. 1, №1—2, 10.

ли в Алтырский улус к прибывшему туда новому джунгарскому представителю Бичику, присланному «для розыски ж от Контайши». Однако Бичик отказался вести с ним переговоры и потребовал присылки из Томска другого «знатного человека с указом, чтобы переговорить подлинно» и «помиритца». На обратном пути сопровождавший Кожевникова князь Корчун повторил свои требования, «чтобы Каштак свели и Итполы выдали, и я замирюсь вечным миром и шертование учиним и жить станем по прежнему во всякой тихости».

Однако в улусе князя Улагача, куда Кожевников прибыл по пути в Томск, он обнаружил, что среди киргизских феодалов нет единства. Сам Улагач, его сын Итполы и многие знатные «киргизские люди» выступили против воинственной позиции князя Корчуна, утверждая, «что мы де помиритца вечно рады, а к Корчунку ни в каком де не пристаем, и он де Корчунко воровал и войны чинил один с улусными своими людьми без нашего совету»[1].

Таким образом, если А. Кожевникову и не удалось договориться с киргизскими князьями о мире, то разведывательные задачи он выполнил неплохо. Переговоры показали, что наиболее воинственную позицию занимает алтысарский князь Корчун, которого явно поддерживают джунгарские представители, тогда как значительная группа киргизских феодалов во главе с князем Улагачем недовольна политикой Корчуна и готова пойти на мир с русскими.

Наконец, А. Кожевников привез в Томск калмакское посольство во главе с послом Каутом, которое было снаряжено представителями хан-тайчжи в «киргизской землице» Ензеном и Бичиком. Характерно, однако, что калмакские послы вели переговоры лишь о торговле и ни слова не сказали о разрешении острых противоречий в русско-киргизских отношениях. Очевидно, это посольство, как и миссия А. Кожевникова, носило разведывательный характер.

Воинственные высказывания алтысарского князя Корчуна, молчаливая поддержка его позиции джунгарскими представителями Лобзаном и Бичиком, наконец, разведывательный характер их посольства в Томск — все это

[1] Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. I, № 13.

показывало, что киргизские и калмакские феодалы продолжают готовиться к большому походу. И действительно, подготовка к военным действиям шла в «киргизской землице» полным ходом. Можно думать, что планы действий во время предстоящего похода против русских острогов рассматривались и утверждались в Урге в ставке самого хан-тайчжи. Характерно, что именно в этот напряженный период участились поездки киргизских князей в Ургу. По сообщениям пленных, особенно часто ездили в ставку хан-тайчжи алтысарский князь Корчун и алтырский князь Таин Иркин — инициаторы и главные организаторы подготовки нового похода. В свою очередь, именно в Алтырский улус хан-тайчжи прислал зайсана Бичика в качестве командующего. Сюда прибыли и другие джунгарские представители. По сообщению А. Кожевникова, почти в каждом крупном улусе киргизов находился в это время представитель хан-тайчжи.

Примерный план действий объединенных сил киргизских и калмакских феодалов, насколько можно судить по имеющимся источникам, выглядел так: главные силы под командованием калмакского зайсана Бичика и киргизских феодалов Тангыта, Таин Иркина и Корчуна должны были внезапно окружить Кузнецк. Другой отряд, под командованием калмакского зайсана Духар-Мансурова, должен был разорить и разграбить Кузнецкий уезд по р. Томи, а затем соединиться под Кузнецком с основными силами, чтобы «Кузнецкой и с уездом по обе стороны разорять без остатку весь». Таким образом, главный удар наносился по Кузнецку. Одновременно мелким отрядам киргизских феодалов поручалось совершать набеги на Красноярск и на Томск, чтобы отвлечь их силы от помощи Кузнецку.

Пытаясь сохранить в тайне этот план и дезориентировать сибирских воевод, калмакские зайсаны и киргизские князья распустили слух, якобы они будут осаждать не Кузнецк, а Красноярск. Так, прибывший в Красноярск ясачный татарин Охонка Силошин сообщил, что по прибытии в «киргизскую землицу» его доставили к джунгарским представителям, «и те де калмыцкие посланцы и лутчие киргизские люди... говорили, что б он Охонка сказал в Красноярску...: они де киргизцы нынешним летом будут их красноярцов воевать и будут де им красноярцам в день вороны, а ночью волки». Они грозили да-

лее, что «Красноярск станут делить пополам, а уезд разграбят». Сообщение Охонка Силошина вызвало известную тревогу среди красноярцев, которые обратились к томскому и кузнецкому воеводам с предложением образовать казачьи полки для борьбы против киргизов. Такие же ложные слухи распространялись и в отношении Томска.

С другой стороны, перед самым началом похода киргизские и калмакские феодалы начали распространять слухи, что они отказались от своих агрессивных намерений, явно стремясь ввести в заблуждение царских воевод. В сентябре 1700 г. ясачные татары, побывавшие в киргизских улусах, донесли кузнецкому воеводе, что киргизы собрались в ставку джунгарского наместника зайсана Бичика для уплаты албана. Они сообщили также, что калмакские отряды, находившиеся в киргизских улусах, отправлены обратно в Джунгарию, а киргизские князья получили от Бичика указание послать в Кузнецк аманата на перемену старому аманату, человека «доброва».

Насколько можно судить по донесениям кузнецкого воеводы, он действительно был введен в заблуждение этими ложными сообщениями и не ожидал сколько-нибудь серьезного выступления киргизов. Так же обстояло дело в Томске и Красноярске. Во всяком случае, воеводы этих городов не приняли необходимых мер для организации их обороны на случай нападения киргизов. Более того, несмотря на повторные требования царского правительства ускорить подготовку к намеченному еще в марте решительному походу против киргизов, чтобы «смирить их войною», сибирские воеводы ничего не предприняли для реализации этих требований. Не исключено, что они считали организацию похода в летний и осенний период нецелесообразной и собирались провести операции в более удобное для внезапного нападения зимнее время. Так или иначе, но остается фактом, что выступление киргизских и калмакских феодалов осенью 1700 г. застало царских воевод врасплох.

Наступление на Кузнецк киргизские и калмакские феодалы начали с обычных набегов на уезды других городов. 5 августа 1700 г. отряд киргизов численностью около 100 человек напал на конские табуны в Красноярском уезде и «отогнали» их. 14 сентября 1700 г. киргизские «воинские

люди» под командованием самого князя Корчуна совершили набег на Томский уезд, ограбив и уничтожив деревню Панчинскую. Встретив отпор томских служилых людей, отряды Корчуна «бежали в утек». Отряды царских воевод преследовали их в течение 3 дней, но безуспешно, так как киргизы уходили «в рознь лесами и нужными местами»[1]. Таким образом, набег Корчуна отвлек внимание и силы томского воеводы.

Через четыре дня после этого набега, 18 сентября 1700 г., главные силы киргизских и калмакских феодалов начали наступление на Кузнецк. По сообщениям источников, киргизские князья, «собрався со многими своими улусными людьми» и с калмакскими зайсанами, внезапно напали на русские и ясачные поселения Кузнецкого уезда и «на полях людей побили и конские табуны и рогатый скот без остатку весь взяли». Хлеб, который был уже убран, нападавшие сожгли, несжатый хлеб был вытоптан и потравлен. В руки киргизских и калмакских феодалов попало большое число пленных. Вслед за тем «человек с тысячу и больше» (по другим сведениям — около полутора тысяч человек) появились под Кузнецком и «приступали кругом города ко всем воротам»[2]. По сообщению одного из захваченных в плен калмаков, киргизы собирались «под Кузнецком стоять 10 дней, а ждут Матура Тайшу да Кокона Батыря, а как де они придут и они станут брать город». По словам другого пленного, киргизские и калмакские феодалы «советовали ... меж собою, чтоб им под городом стоять», а после подхода других отрядов «всеконечно Кузнецкой с уездом по обе стороны разорять без остатку весь». Таким образом, Кузнецк оказался в осаде, а захваченные врасплох кузнецкие служилые люди не смогли оказать напавшим существенного сопротивления. Полученные же в Кузнецке сведения о силах киргизских и калмакских феодалов и ожидаемых ими из Джунгарии подкреплениях вызвали у кузнецкого воеводы Л. Синявина серьезное беспокойство.

20 сентября 1700 г. он обратился за помощью к томскому воеводе. Сообщая о нападении на Кузнецк многочисленных отрядов киргизов и калмаков, Синявин писал,

---

[1] Памятники Сибирской истории, кн. I, №№ 1—2, 6, 10, 13, 15, 20, 26, 33.

[2] ЦГАДА. Сибирский приказ, ф. 214, опись 5, ед. хр. 1199, лл. 8.

что «служилых людей в Кузнецке малое число, также и ручнова пороху нет», и просил срочно выслать порох и подкрепления. Выполняя эту просьбу, томский воевода направил в Кузнецк отряд служилых людей численностью в 100 человек, который привез запасы пороха.

Прибытие в Кузнецк подкреплений и боезапасов из Томска (а возможно, и из других городов) позволило кузнецкому гарнизону совершить вылазку и начать обстрел вражеского стана «из пушек и из мелкого ружья». Хотя осада Кузнецка продолжалась после этого еще несколько дней, однако положение осаждающих, оказавшихся под артиллерийским обстрелом, серьезно ухудшилось. 25 сентября объединенные силы киргизов и калмаков вынуждены были снять осаду Кузнецка и отступить. В погоню за ними был послан отряд в 250 человек под командованием казачьего атамана Ф. Сорокина. Этот отряд преследовал отступавших киргизов в течение трех дней. Главные силы киргизских и калмакских феодалов, рассыпавшись в лесах, сумели уйти от преследования. Кузнецкие служилые люди догнали лишь небольшой отряд в 60 человек и разбили его, отбив много пленных, взятых из-под Кузнецка, 150 лошадей и много крупного рогатого скота[1].

31 сентября 1700 года киргизские «воинские люди» организовали новый набег на Томский уезд по реке Яю. Направленный против них отряд во главе с казачьим головой О. Качановым вернулся ни с чем: узнав о движении русского отряда, киргизы поспешно отступили, бросив по дороге отогнанный скот, большая часть которого была заколота.

Грабительские набеги киргизских феодалов не прекращались и в октябре. 17 октября ясачные люди Мелесского острога жаловались, что киргизы «де ходили войною Томского присуду в деревни на Чулыме реки», разорили их, отогнали много скота. Другой отряд в 400 человек киргиз «пошли Томского присуду» по реке Томи, но «что тамо учинилося, о том ведомости нету». Мелесские ясачные люди сообщали также, что киргизы вновь собираются «итти на Чулым реку... войною, но когда, они не ведают».

---

[1] Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. I, № 13, 19, 20, 23. ЦГАДА. Сибирский приказ, ф. 214, опись 5, ед. хр. 1199.

На этом, собственно, и завершилась волна набегов и походов киргизов, организованных киргизскими и калмакскими феодалами. Достигнуть поставленной перед собой цели они не сумели.

Однако сибирские воеводы были серьезно испуганы масштабами разбойничьих действий объединенных сил калмакских и киргизских феодалов и ускорили подготовку к решительному походу против них, как этого настойчиво требовало центральное правительство. В конце октября 1700 г. томский воевода в специальном донесении царю сообщил о военных действиях против киргизов, уведомив одновременно, что совместное выступление русских войск из Томска, Красноярска и Кузнецка «на киргиз войною» намечено на 18 января 1701 г. Киргизским князьям и находящимся у них представителям хан-тайчжи стало известно о подготовке томского воеводы к походу. Только этим можно объяснить попытку хан-тайчжи Арабтана завязать мирные переговоры и этим предотвратить военный разгром своих вассалов. Присланные им послы должны были выяснить: «от кого война чинится? И если от киргиз, и они де, зайсаны, киргизскова князца Корчунка хотели отдать в Томской головою», однако при непременном условии, «чтоб Каштацкой острог свесть». Видимо, каштацкий серебряный рудник имел для джунгарского хан-тайчжи такое важное значение, что он готов был отдать «головою» томскому воеводе своего самого преданного вассала — наиболее сильного и влиятельного киргизского князя Корчуна.

Небезынтересно отметить, что сибирские воеводы готовы были ради урегулирования отношений с киргизами пойти на ликвидацию Каштацкого острога. Сообщая о приезде посланцев от хан-тайчжи, томский воевода писал, что «им де служилым людям от того Каштацкого острога разорение великое», а «великому государю прибыли и пашенных земель и лесов нет». Обосновывая свое мнение, томский воевода утверждал, что киргизы держат острог в блокаде, часто нападают на него, препятствуя гарнизону даже в подвозе дров и воды, тогда как томские власти из-за отдаленности острога не в состоянии оказать ему своевременную помощь. Живущие в остроге служилые люди, по словам воеводы, «нужду и голод терпят великой», многие из них «померли», а посланные из Томска служилые люди, не желая ехать в Каштацкий острог,

вместо себя «людей наймут на полгода рублев по девяти и по десяти», терпя большие убытки. В заключение томский воевода предлагал уступить джунгарам и «Каштацкий острог свесть».

Однако правительство Петра I придерживалось иного мнения. В декабре 1700 г. томскому воеводе была прислана грамота, в которой предписывалось любой ценой сохранить Каштацкий острог, а «впредь ... жить с великим бережением и осторожностью», чтобы киргизы «внезапу разорения и убийства не учинили». Воеводе было приказано укрепить острог и слободу надолбами и рвами, а в лесных местностях поставить засеки и заставы, которые «стояли б с ружьем и с пушками в готовности, чтоб в приход тех неприятелей можно им отпор учинить».

Аналогичные грамоты были разосланы и в другие города, в том числе в Тобольск. Последняя грамота, датированная 31 декабря 1700 г., особенно интересна. Эта грамота по сути дела вводила в Тобольском уезде осадное положение. «Всяких чинов людям и всем людям, которые живут ближе к степям», откуда можно было ждать внезапного нападения, предписывалось находиться в постоянной боевой готовности и при оружии. Воевода должен был принять меры для вооружения и обучения военному делу крестьян, которым следовало выезжать на полевые работы с оружием и караулами. Наряду с распоряжениями о милитаризации населения Тобольского уезда, воеводе даны были предписания на случай приезда в Тобольск посланцев от хан-тайчжи; их следовало «допросить подлинно» и потребовать объяснений о действиях хан-тайчжи, который «посылает с миром погодно посланцев своих, а в то же время его подданные наших государских людей побивают и скот отгоняют и всякое разорение чинят». До получения ответа из Москвы джунгарские послы должны были быть задержаны в Тобольске.

По сути дела указы 1700 года означали переход к активным военным действиям против Джунгарии и ее вассалов в Сибири. Стремление любой ценой сохранить Каштацкий острог, сквозящее в этих указах, едва ли можно считать простым капризом: серебряные рудники Каштака интересовали правительство Петра I, особенно остро нуждавшееся в деньгах в связи с началом Северной войны, не меньше, чем джунгарского хана-тайчжи. Поэто-

му, наряду с предписаниями всемерно укреплять Каштацкий острог, царское правительство настойчиво требовало от томского воеводы ускорить организацию похода против киргизов, чтобы навсегда положить конец набегам киргизских князей и калмакских зайсанов и укрепить власть России в Минусинской котловине. Сибирские воеводы с опозданием поняли, чего хочет от них правительство. Декабрьские указы положили конец их колебаниям по вопросу о Каштаке и подстегнули их энергию. Но выбранное ими время для выступления оказалось крайне неудачным.

18 января 1701 года томский воевода сообщил в Москву о начале активных военных действий против киргизов. Однако, ссылаясь на то, что «ныне пали снега великия и учинились морозы и бездорожица», воевода доносил, что первоначально намеченный поход в «киргизскую землицу» с большим снарядом и с пушкой» оказался невозможным. Вместо этого против киргизов были направлены легковооруженные отряды. Один из этих отрядов численностью в 515 чел. под начальством С. Лаврова и А. Кругликова наступал в направлении Белого озера по рр. Аю и Кию; другой в количестве 180 чел. под начальством М. Лаврова и А. Степанова двигался вверх по р. Томи «черными лесами» на речки Кожух и Кию.

С. Лавров и А. Кругликов выступили из Томска 26 января и лишь 15 февраля перешли через р. Урюп, а утром следующего дня дошли до Белого озера и обнаружили здесь стоянки трех улусов, в том числе улуса князя Корчуна. В происшедшем бою киргизы были разбиты и бежали, потеряв много пленных. 17 февраля отряды С. Лаврова двинулись вниз по р. Сересю и нанесли еще одно поражение киргизским отрядам князя Корчуна. Преследование и разгром киргизских юрт продолжались и на следующий день.

В тот же день, 18 февраля 1701 года, другой отряд томских служилых людей в количестве 250 человек под начальством И. Великосельского в урочище Караказ разгромил алтырского князя Таин Иркина. Киргизы и на этот раз не оказали серьезного сопротивления. Бросив жен и детей, они бежали в леса. Однако русские войска сумели захватить некоторое количество пленных, в числе которых оказалась дочь самого алтырского князя. Дальнейшее преследование бежавших киргизов становилось

бессмысленным. Началась оттепель, и русские отряды вернулись обратно в Томск.

Несмотря на успешные действия русских отрядов, желаемый результат не был достигнут. Русские отряды имели лишь сравнительно мелкие стычки с киргизами. Главные силы киргизских и калмакских феодалов не были разгромлены, опасность новых набегов с их стороны не была ликвидирована. Об этом свидетельствовали, прежде всего, показания пленных, сообщивших, что представитель хан-тайчжи Бичик приказал киргизским князьям, «чтоб они киргизские люди лошадей своих берегли и выше де четырех лет лошадей приказал пятнать железом, чтоб всем киргизским людям итить под Томской войною в нынешнем 1701 году весною». Пленные сообщили также, что Корчун, Таин Иркин и др. киргизские князья «стоят все в собрании в одном месте, за Уйбатом рекою на речке Сеоле», куда они «и с своих урочищ сошли для того, что де ждут из городов (русских.—А. А.) на себя войны».

Все это заставило русских воевод более тщательно готовиться к ранее задуманному походу.

Весной 1701 года в Томске была снаряжена экспедиция в «киргизскую землицу» с целью определить места кочевий киргизских улусов и расстояния между ними, по возможности разведать, в каких урочищах сосредоточены основные силы киргизских и калмакских феодалов, и установить, не могут ли они еще раз «учинить разорение» русским и ясачным поселениям. Эта разведывательная экспедиция была отправлена в «киргизскую землицу» под видом русского посольства, едущего в Монголию. В конце марта 1701 года экспедиция вернулась в Томск и представила подробные отчеты о своей поездке, содержавшие сведения о местах кочевий киргизов, расстояниях между кочевьями и особенностях пути. В отчетах экспедиции подчеркивалось, что в этих местах «кочуют калмыки и киргизы многолюдством», и они «соединясь сообща будут под Томской войною»[1].

Доставленные экспедицией новые сведения о киргизских кочевьях позволили русским воеводам выработать подробный план действий. Базой готовившегося похода

---

[1] Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. I, № 2, 19, 21, 23, 32, 33, 39.

стал теперь Красноярск, откуда можно было быстрее нанести удар по киргизским улусам.

В начале лета 1701 г. из Красноярска в «киргизскую землицу» двинуты были русские войска под начальством К. Самсонова. На р. Ерба отряды Самсонова в трехчасовом сражении разгромили силы алтысарского князя Корчуна и захватили много пленных, в том числе мать Корчуна и его сестру. Вслед за тем К. Самсонов пошел вверх по Енисею, разбил мелкие киргизские отряды и, перейдя на р. Абакан, вторгся в Алтырский улус. В урочище Изык, выше места впадения в Абакан р. Уйбат, русские отряды были встречены соединенными силами алтырского князя Таин Иркина и алтысарского князя Корчуна. В происшедшем сражении «киргизы билися не щадя головы своей», но были наголову разбиты и понесли большие потери. Среди убитых оказался и брат князя Корчуна[1].

Таким образом, К. Самсонов разгромил основные силы киргизских феодалов, в первую очередь — алтысарского князя Корчуна и алтырского князя Таин Иркина— наиболее сильных киргизских князей и самых послушных вассалов хан-тайчжи и вместе с тем главных организаторов набегов киргизов на мирное русское и ясачное население.

Итак, события, имевшие место с начала 1700 до осени 1701 года, наглядно свидетельствуют об обострении вооруженной борьбы между силами русских воевод в Сибири и киргизскими и калмакскими феодалами. Тот факт, что непосредственным толчком к активным действиям послужило построение Каштацкого острога на киргизских землях близ принадлежавших хан-тайчжи серебряных рудников, говорит о стремлении киргизских феодалов и, прежде всего, стоящего за их спиною джунгарского хан-тайчжи воспрепятствовать укреплению власти России в Южной Сибири.

Двукратный разгром киргизов отрядами томского и красноярского воевод, поражение, понесенное при этом сильнейшими киргизскими князьями Корчуном и Таин Иркином, ближайшие родственники которых попали в

---

[1] ЦГАДА. Сибирский приказ, ф. 214, ед. хр. 849, опись 5, л. I, там же, ед. хр. 1843, л. 20. Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. I, № 39.

плен к русским, вынудили киргизских феодалов обратиться к хан-тайчжи с просьбой начать переговоры с русскими о заключении мирного договора на условиях, ранее предъявленных русскими властями.

1 июля 1701 года наместник хан-тайчжи прислал «из киргиз в Красноярск» своего представителя Юрукту Кашка с письмом, в котором признавал, «что крайние киргизские люди» с «великого государя людьми воровство и войны чинят» и предлагал «договориться как жили преж сего в миру и ныне бы также». В Красноярске джунгарский посол получил недвусмысленный ответ: русские представители П. Савич и Мусин-Пушкин заявили, что готовы заключить мир и вернуть пленных «буде из киргиз пришлют аманатов и с кыштымов ясак по прежнему давать станут и отгонных лошадей и грабленные животы отдадут».

В таком духе было составлено и письмо красноярского воеводы, врученное Юрукту Кашка для передачи киргизским князьям и джунгарскому наместнику Абе Зайсану. На этот раз киргизские феодалы и джунгарские покровители отнеслись к предложениям царских властей в Сибири совершенно серьезно. В Красноярск было снаряжено посольство киргизских князей во главе с тем же калмакским представителем Юрукту Кашка. Посольству даны были подробные инструкции и письма к воеводе.

В начале августа 1701 года киргизское посольство прибыло в Красноярск, где состоялись переговоры с русскими представителями П. Савичем и Мусиным-Пушкиным. В ходе переговоров Юрукту Кашка повторил сделанное им ранее предложение «жить бы смирно и безсорно», заявив одновременно, что «киргизы аманатов в Красноярск и с кыштымов ясак давать станут по прежнему». Он добавил также, что хан-тайчжи «указал отдать» русским «отгонных коней» из Красноярска и Кузнецка. Таким образом, первоначальные русские требования были приняты джунгарскими властями. Однако дальнейшие переговоры показали, что киргизское посольство по существу не имело полномочий для заключения мирного договора. Царские представители, выразив удовлетворение заявлением Юрукту Кашка, потребовали для гарантии нерушимого и прочного мира с киргизами выдать в Красноярск в качестве аманатов кир-

гизских князей — сына влиятельного езерского князя Шорло Мергена-тайчжи и сыновей других представителей киргизской знати. Но Юрукту Кашка, повторив заверения о принципиальном согласии киргизов дать аманатов с тубинцев и езерцев и платить ясак с кыштымов, настаивал на том, чтобы для завершения переговоров в киргизские земли было послано русское посольство, которое могло бы «по их вере князцов и иных лутчих людей в том привести к шерти» и взять аманатов.

В таком же духе выступил и представитель киргизских князей Эрке Кардачи. Он прежде всего вручил русским представителям письмо князя Корчуна, содержавшее предложение «по указу государя и контайши... жить бы смирно и дружно меж собою», а также просьбу выпустить из плена его мать и сестру. Кроме того, Эрке Кардачи устно заявил, что «киргизские все князцы» поручили ему предложить, чтобы «русские и киргизские люди ссор и войны не вчинали», и выразил согласие дать аманатов и ясак с их кыштымов «на Красный Яр». На этих условиях киргизские князья готовы были «утвердиться совершенно и договор .... учинить меж русскими людьми и киргизы постоянно», причем посредниками для переговоров они выдвигали хан-тайчжи и его наместника в киргизских землях. Таким образом, Эрке Кардачи по существу присоединился к предложениям джунгарского посланника.

Однако русские представители недоверчиво отнеслись к предложению послать в киргизские земли русское посольство. Они указывали на то, что подобные посольства неоднократно отправлялись уже в киргизские земли и вели безрезультатные переговоры, причем киргизы обращались с ними крайне грубо: «голодом морили и всячески ругали» русских послов, задерживая их у себя длительное время. Лишь после долгих настояний Юрукту Кашка русские представители согласились отправить в киргизские улусы посольство в составе четырех человек для завершения переговоров и заключения мирного договора при условии, что киргизские посланцы Эрке Кардачи и Бирюслан Ичаев останутся в Красноярске в качестве заложников.

С такой гарантией о неприкосновенности в киргизские земли было снаряжено русское посольство во главе с казачьим десятником Романом Торгошиным. Инструк-

ция, данная послам, поручала им взять аманатов «из лутчих людей», привести к шерти киргизских князей Шорла, Корчуна и Таин Иркина, взяв с них обязательство соблюдать мир и вернуть «отгонный скот» и взятые в бою трофеи, а также договориться об ясаке с их кыштымов. На этих условиях и при гарантии, что киргизские князья будут и «напредки стоять во всякой своей правде», посольство должно было обещать вернуть прежних аманатов и пленных, в том числе и родственников Корчуна. Посольству были даны полномочия для заключения договора с обязательным условием, чтобы киргизские князья в своей шерти обещали «служить им великому государю и прямить во всем в правду по своей вере, до своего живота, со всем своим родом, да они ж бы дали шерть на своих детей, на внучат и на правнучат своих и на всех родственников». По сути дела это было требование об установлении над киргизскими улусами русского протектората, что отвечало общим требованиям царского правительства, выраженным в декабрьских указах 1700 г.

7 августа 1701 г. послы выехали из Красноярска, а через 7 дней прибыли в «киргизскую землицу» и остановились за рекою Уйбат. 15 августа джунгарский наместник Аба Зайсан прислал к ним своего гонца, передавшего послам приглашение прибыть в ставку Аба Зайсана на речке Нин (приток Абакана).

Таким образом, русские послы, как и раньше, прежде чем начать переговоры с киргизскими князьями, должны были согласовать все вопросы с калмакским наместником. 16 августа Аба Зайсан принял русских послов и, выслушав их заявление, обещал, «что де дело он сделает», т. е. заставит киргизских князей договориться с русскими по предварительно согласованным вопросам.

19 августа русские послы прибыли на р. Абакан в Езерской улус к князю Шорло Мергену, считавшемуся одним из наиболее влиятельных киргизских князей. Здесь они находились до 18 сентября. В начале сентября в киргизские улусы прибыло посольство из Томска во главе с Павлом Петровичем. Встреченное на пути представителями Аба Зайсана, томское посольство было направлено последним «для посольского договору» в Алтырский улус к князю Тангыт Батыр-тайчжи. 18 сентября томские посланники прибыли в Алтырский улус,

куда съехались и представители Кузнецкого и Красноярского воевод.

На другой день Аба Зайсан предложил «быть к нему ... в посольскую юрту всех трех городов посланцам всем вместе, для того, что де люди русские одного великого государя и посольство чинить бы в ответах всем за одно». 20 сентября, во время встречи с русскими представителями, он подтвердил свое предложение. В тот же день в посольской юрте джунгарского наместника начались переговоры между русскими представителями и киргизскими князьями. В этих переговорах участвовали «все киргизские князцы», кроме больного князя Корчуна. При этом киргизские князья, как видно из источников, присутствовали на переговорах «со многими своими улусными знатными людьми», в числе которых были и «Корчунова улусу многие знатные улусные люди». Другими словами, для ведения переговоров с русскими представителями был созван настоящий съезд всех более или менее крупных киргизских феодалов, что само по себе свидетельствует о том, какое важное значение придавали предстоящей мирной конференции киргизские князья и их джунгарские покровители.

Первый день переговоров был посвящен в значительной мере формальным вопросам, а также выяснению взаимных претензий. Выступившие первыми русские представители потребовали от калмакского наместника, «чтоб он Аба Зайсан киргиз от воровства унял и отгонные лошади, которых они в разных месяцах и числах из под Красноярска и уезда отогнали 700 и панцыри и куяки и ружье побитых людей и знамя, что взято на бою, отдали и в аманаты бы дали Шорлова сына да Бакова сына». Как видим, эти претензии не были новыми: аналогичные требования были выдвинуты царскими властями еще в ходе предварительных переговоров в Красноярске и в принципе были приняты джунгарскими и киргизскими посланниками.

Встречные претензии киргизских феодалов несколько отличались от их прежних заявлений. Выступивший от имени всех киргизских князей, езерский князь Шорло Мерген-тайчжи в первую очередь потребовал возмещения убытков, нанесенных русскими войсками во время похода 1700 года. По его словам, красноярские служилые люди во время этого похода «повоевали алтысар-

ский улус 50 юрт, мужеска пол побили, а жен и детей в полон побрали многое число, и скот и всякие пожитки взяли, и тех бы... всякие иноземские пожитки отдали». Вместе с тем Шорло Мерген заявил, что киргизские князья в свою очередь «сыскав, отдадут» трофеи, захваченные у русских.

Сразу же после заявления Шорло Мергена был устроен перерыв в переговорах, во время которого, как видно из последующих выступлений Шорло Мергена, состоялось совещание киргизских феодалов по вопросу об условиях мирного договора с русскими. Выступая на следующий день, Шорло Мерген, «по указу де Контайши и по приказу Абы Зайсана», от имени всех киргизских феодалов выразил готовность «договориться бы вечным миром постоянно». Он обещал с согласия всех киргизских князей дать аманатов с езерцев и тубинцев «добрых людей», а вместо своего сына, который, по его словам, «находится ныне в калмыках», предложил дать в аманаты своего племянника Занзая. Киргизские феодалы согласились платить ясак с «езерских и с тубинских кыштымов со всех улусов, с трех сот луков ... напредь по соболю с человека, а впредь против прежнего», причем для сбора ясака готовы были допустить «из Красноярска ... в киргизы добрых людей». В то же время Шорло Мерген настаивал, чтобы русские воеводы «отдали без выкупа Корчункову мать и сестру», и просил после сбора ясака с езерских и с тубинских кыштымов «его шорловых посланцев отпустить к великому государю в Москву».

В ходе дальнейших переговоров возникли споры по вопросу о сборе дани с канских кыштымов. Шорло Мерген недвусмысленно заявил, что киргизские князья не отказываются от сбора дани с канских кыштымов, и требовал официального согласия русских властей на то, чтобы «им ... с канских кыштымов имать после государева ясаку дань свою железом и топорами и осинами и орловым перьем, кроме соболей, добровольно, а не сильно и не грабежом». Однако русские представители отказались удовлетворить это требование, заявив, что «учинить того не смеют», так как не получили соответствующих инструкций. Для окончательного решения спорных вопросов Р. Торгошин предложил послать ту-

бинского князца Курачу специальным посланником в Красноярск.

Однако по основным вопросам соглашение было достигнуто. В знак нерушимости заключенного договора «киргизские князцы все шертовали со всеми своими улусными людми», а «калмыцкий Аба Зайсан вместо Корчуна шерть пил сам». Кроме того, между алтырским князем и представителем томского воеводы было заключено специальное соглашение, по которому русские власти обязались «достальной полоненной ясыр из алтырских улусов выкупать выкупом».

Для уточнения и окончательного решения некоторых спорных вопросов, а также для обмена пленных киргизские князья, очевидно, вместе с уезжавшими с красноярскими представителями отправили специального посланца Тумачака. При встрече с киргизскими представителями красноярский воевода П. Савич и стольник Мусин-Пушкин выразили полное удовлетворение достигнутым соглашением, но наотрез отказались разрешить киргизским князьям «имать с канских ясачных людей дань», сославшись на то, что «преж сего они канские ясачные люди за езерскими князцы николи не бывали, а бывали они Тубинские, а не Езерские, и ныне езерцам до тех канских кыштымов и дела нет». Тубинские же претензии красноярские власти отвергли на том основании, что канские кыштымы были «завоеваны ... великого государя ратными людми».

Очевидно, киргизские князья и сами понимали невозможность добиться уступок по этому вопросу. Во всяком случае, киргизский посланник Тумачак заявил, что Шорло Мерген «про канских ясачных людей оставил и говорить ему посланцу не приказал, и ныне де и впредь им до канских ясачных людей дела нет и не вступатца». Вместе с тем Тумачак подтвердил, что киргизы готовы допустить сборщиков ясака, просил принять присланных аманатов «и впредь жить мирно». Что касается пленных киргизов, которые взяты красноярцами во время боев, то киргизские представители просили разрешить их «отдать на выкуп»[1]. Таким образом, мир-

[1] Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. I, СПб, 1882, № 37.

ный договор был заключен на выгодных для России условиях.

Однако достигнутое соглашение практически не было осуществлено. Киргизские князья, как и прежде, систематически не выполняли своих обязательств. Становилось ясным, что соглашение 1701 г. киргизские и джунгарские феодалы рассматривали лишь как временную передышку.

ПЕРЕДВИЖЕНИЕ ЕНИСЕЙСКИХ КИРГИЗОВ В ИЛИ-ИРТЫШСКОЕ МЕЖДУРЕЧЬЕ В XVIII В.

Как мы уже видели, в 1701 году киргизские князья потерпели окончательное поражение. Теперь верхушка киргизских феодалов убедилась в полном истощении своих сил и в прочности освоения русскими Южной Сибири, особенно ввиду роста и укрепления русского влияния среди подчиненного им местного населения.

В еще худшем положении, чем киргизские феодалы, оказались к этому времени их покровители — джунгарские хан-тайчжи, вынужденные одновременно бороться с маньчжурской династией, казахами, а также с тяньшаньскими киргизами. Обострение этой борьбы лишило хан-тайчжи возможности оказать реальную помощь киргизским князьям против русских. Джунгарское правительство серьезно опасалось военного столкновения с Россией в случае, если оно окажет непосредственную помощь князьям енисейских киргизов. Такое столкновение было тем более нежелательно, что под натиском внешних врагов правительство хан-тайчжи серьезно рассматривало планы перекочевки из района Или в Обско-Иртышское междуречье, т. е. ближе к русской границе[1].

С другой стороны, окончательное поражение киргизских князей, вынужденных платить ясак русским, несомненно должно было привести в дальнейшем к ликвидации господства калмакских феодалов над киргизами и другими племенами Южной Сибири. Поэтому джунгарскому хан-тайчжи было выгоднее переселить зависевших от него киргизских феодалов с их кыштымами из Минусинской котловины в Или-Иртышское между-

[1] Сибирский приказ, ф. 214, оп. 5, ед. хр. 1008, лл. 17—20.

речье, поближе к своей ставке, где можно было бы безнаказанно эксплуатировать переселенное рядовое население, изолировав его от русского влияния. Вот что в основном побудило хан-тайчжи после событий 1701 года предпринять решительные меры. В глубокой тайне от русских властей он договорился с киргизскими князьями о принудительном переселении подчиненного им населения из Минусинской котловины.

Почему же хан-тайчжи удалось столь быстро уговорить киргизских князей пойти на такую значительную уступку: оставить за кем-то земли, обитаемые с древних времен? В ходе тайных переговоров с правительством хан-тайчжи киргизские князья считались с тем, что с укреплением русского господства в Южной Сибири им угрожает опасность лишиться власти и возможности эксплуатировать не только кыштымов, но в какой-то мере и рядовых киргизов. Поэтому успешная колонизация русскими Сибири еще раньше натолкнула киргизских феодалов на мысль о передвижении с верховьев Енисея в верховья Иртыша, и предложение хан-тайчжи об уводе населения с Енисея было для них исключительно выгодным.

Осуществляя тайный сговор, киргизские князья и калмакские зайсаны летом 1703 года обманным путем согнали в один район значительную часть киргизов, обитавших в Минусинской котловине: «И приехали де 2500 калмыков в киргизскую землицу и киргиз де к себе загнали всех», — сообщили оставшиеся жители.

Имеющиеся источники не только подтверждают факт увода киргизов с Енисея киргизскими и калмакскими феодалами, но и уточняют его во многих важных подробностях. Один из этих документов сообщает, что было уведено «полутысячи с три дымов»[1], т. е. полторы тысячи юрт. Не исключено, что в действительности количество киргизов, уведенных с Енисея, превышало указанную цифру. Об этом косвенно свидетельствует многочисленность калмакских войск, осуществлявших всю операцию по уводу киргизов. Однако при нынешнем состоянии источников уточнить эти данные не представляется возможным. Зато в нашем распоряжении имеют-

[1] Материалы по истории Сибири. Чтения в Общ. истории и древностей российских, 1866 г., кн. 4-я, стр. 128.

ся материалы, позволяющие до известной степени установить путь, по которому шли с Енисея киргизы, а также выяснить некоторые другие обстоятельства этого переселения. Осенью 1707 г. в руки томского воеводы попали шуйские татары: Кучелайко Табункин и Конзачачко Уханков и киргиз Шерлучачко Кучелаев, которые летом 1703 г. находились в числе киргизов, уведенных калмаками с Енисея. Кучелайко Табункин и Конзачачко Уханков были хорошо известны местным властям еще до переселения енисейских киргизов калмаками как активные участники набегов на Томский уезд. Из письма томского воеводы Г. П. Соловова к царю от 1 сентября 1707 г. выясняется, что оба они некоторое время служили в Томске, а потом «ис Томска бежали в киргизскую землицу и живучи в киргизской землице воровали и на Томский уезд войною приходили многожды». В 1705—1706 гг. они снова участвовали в набегах на Чуылмскую и Ачинскую волости. В связи с этим томский воевода просил разрешения «переловить тех воров».

В том же году последовал царский указ, на основании которго К. Табункин и К. Уханков были схвачены и приведены в Томск для допроса[1]. Их показания до сих пор не использованы в исторической литературе, хотя и представляют большой интерес, в связи с чем мы приводим их почти полностью. Из допроса Конзачачко Уханкова выясняется, что он «был взят с ними (киргизами. — А. А.) в Ургу, потому что приезжали из Урги от контайши калмыки 2000 человек и киргизских людей и их шуйских татар всех з женами и з детьми взяли в Ургу. И идучи де дорогою, будучи в Иртышских вершинах, напали на них казачьи орды люди, а сколько де человек, того де не ведает, и многих киргизских людей побили до смерти, а жен и детей у многих побрали в полон. А он де Конзачачко с товарищи в тридцати человеках от киргиз в то время бежали назад в киргизскую землицу, покинув жен и детей ... и в киргизской землице киргиз никого не нашли и пошли на реку Чулым и пришед де в Кызылскую волость женились у томских ясачных людей, а киргизетин де Шурлучачка в вышеписанных походах с ними не был и жил возле реки Чулы-

[1] ЦГАДА, Сибирский приказ, ф. 214, оп. 5, ед. хр. 1018, лл. 22—23.

му, а ныне де в киргизской землице киргиз и шуйских татар никого нет. А в каких де местах ныне кочуют калмыцкой владелец контайши и где живут в каких урочищах киргизские люди, того де он Конзачачко не ведает, потому что из Урги в киргизскую землицу никакие люди не бывали. Того же числа Кучелайка Табункин и Шурлучачка распрашиваны, а в роспросе сказали те же речи, что сказал Конзачачка Уханков»[1].

Таким образом, не подлежит сомнению, что путь енисейских киргизов, уведенных калмаками, пролегал через верховья реки Иртыш. Выясняется также, что в этом районе киргизы и сопровождавшие их калмаки были разбиты казахами Среднего жуза, причем значительная часть киргизов попала в плен к казахам. Правда, в приведенных нами показаниях нет точных сведений о местах поселения уведенных с Енисея киргизов. Однако ряд данных по этому вопросу можно найти в донесениях, полученных русскими властями от агентов, специально посланных с разведывательными целями в Джунгарию.

Следует отметить, что царское правительство не осталось равнодушным свидетелем событий 1703 г. и приложило известные усилия, чтобы получить сведения о судьбе уведенных калмакскими зайсанами енисейских киргизов.

В июле 1707 г. из Кузнецка одновременно по двум направлениям были отправлены: сын боярский Е. Кириллов и конный казак Артем к телеуцкому князцу Аюгану, а белый калмык Алагыз Балаев — в «Калмыцкую землицу». Важно, что оба посланца сообщили в Кузнецке почти одни и те же факты. Прежде всего они в своих сообщениях отметили затруднительное положение хантайчжи после разгрома Джунгарии войсками сыновей маньчжурского императора, а также указали на напряженную борьбу Джунгарии против бурутов, в ходе которой правительство хан-тайчжи использовало войска, состоявшие из белых калмыков и переселенных в Джунгарию енисейских киргизов. Из тех же сведений вполне можно определить места расселения основной части уведенных с Енисея киргизов. Учитывая огромную важность этих сообщений, мы полностью приведем от-

[1] ЦГАДА, Сибирский приказ, ф. 214, оп. 5, д. 927, лл. 58—62.

рывок из донесения русских посланников Е. Кириллова и Артема. В нем говорится, что войска маньчжурского императора «вверх Иртышу реки у Амели реки у контайши многих людей побили и киргиз и телеут, которые взяты были к нему Контайше (с Енисея.— А. А.) ... и контайша де прислал посланцев своих ко князцу Шалу (князь белык калмыков) для досмотру земли промеж рек Иртыша и Оби, чтоб было возможно ему контайше с своими улусными людьми в том месте кочевать. А белые де калмыки Шал с своими улусными людьми от бурутов живут велми опасно. И он де Шал послал для проведывания бурутов своих белых калмыков сто человек, и тех де калмыков воинские люди побили, а какие де люди их побили, то де он калмык не ведает и для проведывания де тех посланных побитых калмыков послал он Шал своих улусных белых калмыков 300 человек»[1]. Из этого можно сделать вывод, что местом расселения основной массы уведенных калмаками киргизов и телеутов были районы верхнего притока Иртыша р. Амели, по соседству или, быть может, смешанно с белыми калмаками. Следовательно, эта часть бывших енисейских киргизов не имела в это время никакого отношения к тянь-шаньским киргизам и никаких связей с ними, кроме военных столкновений.

Сведения о пребывании бывших енисейских киргизов на территории верхнего течения Иртыша, полученные от русских разведчиков, убедительно подтверждаются данными, которые имеются в материалах дипломатических переговоров, происходивших в 20—30 гг. XVIII в. между Россией и Джунгарией, и в записке капитана Андреева, относящейся к концу XVIII в.

Действия калмакских феодалов на Енисее не ухудшили русско-калмакских отношений. Наоборот, царское правительство продолжало по возможности поддерживать мирные дружественные связи с правительством джунгарского хан-тайчжи. В известной мере это объясняется тем, что царское правительство стремилось в это время добиваться включения народов Востока в состав русского государства мирным путем. К тому же русская дипломатия, по-видимому, предвидела, что джунгарский хан-тайчжи не возвратит на родину выселенных им с Енисея киргизов и других прежних русских подданных.

[1] ЦГАДА, Сибирский приказ, ф. 214, оп. 5, ед. хр. № 1008, л. 20.

Политика русского государства по отношению к Джунгарии и подвластным ей народам преследовала другие цели, идущие гораздо дальше простого возвращения прежнего населения в Южную Сибирь.

В рассматриваемый период былое могущество джунгарских феодалов висело на волоске. В 1714 году мир между маньчжурским императором и хан-тайчжи Цебен-Рабтаном был нарушен, и отношения между ними крайне обострились. Проводя захватническую политику, маньчжурский император в том же году созвал сейм с участием недовольных хан-тайчжи джунгарских феодалов. На сейме было принято решение о разделе джунгарской котловины, т. е. бывших российских подданных, в один уголок по течению Иртыша». Видимо, хан-тайчжи понимал, что открытые военные действия против Маньчжурии грозят ему поражением и гибелью. К тому же в это время усилилась также борьба казахов и тянь-шаньских киргизов за независимость. Поэтому калмаки, ожидая нашествия маньчжуров, массами откочевали вниз по Или[1]. Этот трудный для джунгарского правительства момент сделал неизбежной ориентацию Джунгарии на Россию, чтобы обеспечить ее поддержку в борьбе против агрессии маньчжурских правителей.

В свою очередь царское правительство, учитывая благоприятное для него настроение джунгарского хан-тайчжи, прилагало усилия к тому, чтобы склонить джунгар к принятию русского подданства. При этом, естественно, вопрос о принудительном переселении жителей Минусинской котловины, т. е. бывших российских поданных, в Джунгарию, русская дипломатия в данный момент отодвигала на задний план.

Факты говорят об оживленных дипломатических переговорах, шедших в указанное время между Джунгарией и Россией. Помимо дипломатической переписки[2], в ставку хан-тайчжи на Или часто приезжали русские послы. Мы встречаем здесь в 1717 г. тобольского дворянина Беляева, в 1719 году — Чередова, с 1722 по 1724 год в ставке хантайчжи находился капитан Унковский, а в 1721 году в

[1] В. В. Бартольд. Очерки истории Семиречья. Фрунзе, 1943, стр. 86.

[2] Письмо хан-тайчжи к Гагарину от 25 октября 1714 г. и ответное письмо последнего от 27 февраля 1715 г. см. ЦГАДА, ф. 1121, 1689, № 153, лл. 15-б, 16.

Петербург прибыл посол хан-тайчжи Борокурган[1]. В 1732—1734 гг. на Или находился русский посол майор Угрюмов. Характерно, что в ходе переговоров русские представители вели себя весьма осторожно, дипломатически умалчивая или обходя вопрос об уводе калмаками киргизов и их кыштымов.

В то же время хан-тайчжи видел возможность обвинений со стороны России по вопросу о переселении калмаками части жителей Енисея без ведома царского правительства и, оправдывая себя, заранее обвинял русских воевод в Сибири. Так, в 1719 г. представили хан-тайчжи заявляли Чередову, что царские воеводы не пропускали джунгарских послов в Россию, задерживали их, «и обирали, а иных побили», а затем «отговорки чинили» и «за такие ссоры киргизам стало жить невозможно, он взял их к себе, а ту землю оставил пустую»[2]. Такое же заявление было сделано позже капитану Унковскому: «наши люди киргизы, которые жили по Оби реки,—говорилось в том заявлении,—ныне оттуда выгнаны и обижены от кузнецких и красноярских и многие де к нам пеши пришли»[3].

В 1721 году хан-тайчжи отправил в Россию два посольства: одно в Петербург во главе с Борокурганом, другое в Тобольск. Целью этих посольств было заключение соглашения с царским правительством о том, чтобы в случае поражения хан-тайчжи в борьбе с Маньчжурией «улусным его людям около построенных по Иртышу городов позволено было кочевать». Переговоры завершились успехом, притом одновременно была достигнута договоренность об обмене перебежчиками. В ходе переговоров был обсужден вопрос о взаимных «обидах»[4]. И снова джунгарские представители утверждали, что именно «многие обиды», которые чинили сибирские власти, заставили правительство хан-тайчжи перевести енисейских киргизов... «в свои ближние улусы, не желая дать притчины всяким ссорам с обоих сторон».

Такая настойчивость джунгарского правительства не оставляет сомнений в весьма активной роли, которую

---

[1] ЦГАДА, ф. 1121, 1689, № 153, лл. 19, 19-б, 24-б.

[2] Там же, лл. 19—19-б.

[3] Посольство к Зюнгарскому хан-тайчжи Цэбен-Рабтану Ив. Унковского. Записки географич. об-ва по отделению этнографии, т. X, вып. 2. СПб., 1887, стр. 123.

[4] ЦГАДА, ф. 1121, 1689, № 163, лл. 24—25-б.

сыграли калмакские феодалы в переселении киргизов с Енисея.

В записях о переговорах между русскими и джунгарскими представителями по вопросу об обмене пленными и перебежчиками в 30-х гг. XVIII в. мы находим интересные сведения, позволяющие определить новые места кочевий бывших енисейских киргизов. В ходе переговоров русский представитель Сорокин заявил, что «киргизы—кочевой народ—подданные контайшины, напред сего кочевье имели в киргизской степи, которая в Сибири между Кузнецка и Красного Яру, и в то время от них сибирским городам Томску, Кузнецку, Красному Яру великие обиды бывали, о чем контайше из Сибири от воевод писывано, и жалобы чинены, почему, как он слыхал, тому лет с 30 контайша тех киргизов с той степи кочевать перевел к себе в улусы за Иртыш, и ныне они кочуют тамо. По переходе оных в киргизской степи построен острог Абаканский»[1]. Как видно из этого заявления, новым районом расселения киргизов явилась территория на левой стороне верховья р. Иртыша.

Правильность сведений Сорокина с большой убедительностью подтверждается в записке капитана Андреева. В 1785 году он побывал в казахском Среднем жузе, где встретил бывших енисейских киргизов, «которые кочуют по реке Иртышу по островам». Появление здесь киргизов вызвало у капитана Андреева большой интерес. Для выяснения возникших у него вопросов Андреев обратился к трудам Г. Ф. Миллера, возглавлявшего историко-этнографическую экспедицию в Южной Сибири в первой половине 30-х годов XVIII в., т. е. в те же годы, когда в Джунгарии находилась миссия Сорокина.

Ввиду первостепенного значения, какое имеют отрывки из записки Андреева относительно бывших енисейских киргизов для нашей темы, приведем их полностью: «Господин проф. Миллер при сочинении сибирской истории в гл. I § 49-м вспоминает, что киргизы — народ кочевавший, имели свои жилища около реки Июса, которая потом Чулымом называется. Но верно старшине 8 отличных имя и за лутчих почитаемых людей 45 и приложен

[1] Сорокин и Этыгарев как русские представители по обмену военнопленных и перебежчиков находились в Джунгарии с 1731 по 1734 г. См. Зюнгарские дела, 1731, оп. 149, лл. 179, 180, 198; там же, 1731—1733, оп. 113/I, дело № 3, л. 130.

был притом именной список, но я оного отыскать уже не мог... Подвластных сей волости как лутчих людей, жен и детей щитают до 9000, лошадей до 30000; верблюдов до 25000; баранов до 44000, которые кочуют по реке Иртышу по островам; в зимнее время перегоняют табуны свои на российскую сторону со взятием от них в залог постоянства аманатов и к пограничным делам подписок»[1].

Сведения о пребывании бывших енисейских киргизов в районах, соседних со Средним жузом, имеются и в трудах Чокана Валиханова, где приведено предание о том, что потомок хана Среднего жуза Абул Мамеда тринадцатилетний юноша Аблай бежал от преследований своих знатных родственников, жил и вырос у одного богатого киргиза из рода Джакшылык. В 1770 году тот же Аблай, теперь уже хан Среднего жуза, нанес страшное поражение киргиз-бурутам около рек Кызыл-Суу и Шамси, впадающих в Чу. В свое кочевье в районе Кокчетава, близ сибирской линии, он привел целый ряд пленных бурутов, т. е. тянь-шаньских киргизов. Характерно, что эти пленные тянь-шаньские киргизы стали называться «жаны» (новый) и «бай» (богатый) киргизами, явно в отличие от местных (бывших енисейских киргизов)[2].

Вместе с тем необходимо отметить, что район кочевий некоторых киргизских феодалов находился на реке Или, вблизи резиденции хан-тайчжи. В числе их находились алтырский князь Тангут-батыр-тайчжи, исарский князь Шорло Мерген, алтысарский тайчжи Агалак Кашка, Колича, князь Корчун со своим улусом и др.[3] Не исключено поэтому, что расселение части енисейских киргизов по левому берегу Иртыша связано с поражением, которое было нанесено им казахами в верховьях Иртыша летом 1703 г., о чем уже говорилось выше. При этом часть енисейских киргизов, попавших в плен к казахам, была расселена последними вдоль верховьев Иртыша, а другая часть вместе с калмаками добралась до Урги на р. Или.

---

[1] Фотокопия записки капитана Андреева, представленная К. И. Петровым, хранится в рукописном фонде отделения общественных наук АН Киргизской ССР, инв. № 1817.

[2] Сочинения Чокана Валиханова. «Записки Русск. географ. об-ва по отделению этнографии, т. XXIX, СПб., 1904, стр. 3; он здесь имеет в виду бывших енисейских киргизов.

[3] Материалы по истории Сибири. Чтения в общ. истории и древностей российских, 1866, кн. 4, стр. 80, 127.

Достоверные сведения о месте расселения этой части уведенных киргизов мы имеем из показаний тех перебежчиков, которые при первой возможности возвращались на свою прежнюю родину—на Алтай и на Енисей. В документах эти беглецы именуются «киргиз-калмыками». Так, в одном из этих документов—рапорте коменданта Усть-Каменогорской крепости полковника Зорина от 5 октября 1746 г.—отмечается, что киргиз-калмыки — это киргизы, которые ранее жили «в здешнем Сибирском крае, между Томским и Енисейским городами, против города Красноярска, в степи на речке, называемой Белом Юсе» и «платили ясак» в царскую казну «зверями». И далее, основываясь на показаниях беглецов, полковник Зорин сообщает, что «тому назад будет лет с 50 или более эти киргизы были уведены джунгарскими войсками в Зенгорскую землицу сильно токмо без бою. И жили тамо в Зенгорской землице в Большой Урге (ставка джунгарского хан-тайчжи, река Или) и платили, де, они Галдан-Чирину албан».

В другом документе от июня 1747 года говорится о задержанных на речке Чарыше двух «киргиз-калмыках», которые также показали, что в прошлом «их отцы кочевали между Кузнецким и Красноярским городами и платили императору ясак, а когда отец их сошел в зенгорскую землицу, не знают; и жили они в том владении вниз по реке Или, на урочище Шарабе, у Ноена Зенго Бутуя в холопстве»[1].

Калмаки угнали в центральные районы Джунгарии не только киргизов, но и часть кыштымов, многие из которых также бежали на свое прежнее место жительства. Так, в ноябре 1757 года русскими пограничниками была задержана группа мингатов, показания которых имеют большое значение для установления места жительства рядовых киргизов и кыштымов, уведенных с Енисея в Джунгарию, и их тяжелых условий жизни. При допросе они сообщили: «Мингаты жительство имели при реке Таласе в ведении Зайсана Еркету, у которого было 2700 кибиток ... мы собравшись обще с телеутами и киргизами пошли на прежние свои жилища в Алтай»[2].

[1] Материалы для Сибирской истории. «Чтения в общест. истории и древностей российских», 1866, кн. 4, стр. 62, 80.

[2] Г. Н. Потанин. Материалы для истории Сибири, М., 1867, стр. 101.

Приведенные данные не оставляют сомнений в том, что другим местом расселения части енисейских киргизов, а также мингатов, телеутов и других кыштымов киргизских князей, уведенных с Енисея калмаками и феодальной верхушкой киргизов в начале XVIII века, были территории по рекам Или и Таласу. Более того, выясняется, что жившие здесь енисейские киргизы платили албан непосредственно хан-тайчжи, а часть киргизов и бывших киргизских кыштымов оказалась под властью калмакских феодалов, некоторые даже в холопстве у них.

Попытаемся теперь свести воедино различные данные и восстановить в общих чертах причины, ход и характер передвижения енисейских киргизов в Или-Иртышское междуречье.

Решительно не желая принимать русское подданство, киргизские феодалы покинули Минусинскую котловину, уведя с собой большинство рядовых киргизов и отчасти кыштымов. Джунгарские феодалы сыграли активную роль в переселении енисейских киргизов. Об этом свидетельствуют сами обстоятельства переселения, этого не отрицало в ходе переговоров с Россией и джунгарское правительство. Показательно, что даже в начале 30-х годов XVIII в. хан-тайчжи не терял надежды на восстановление своей власти над всеми енисейскими киргизами и прямо требовал передачи ему оставшихся еще на Енисее киргизов.

Нет сомнений, что передвижение киргизов за Иртыш давало хан-тайчжи возможность усилить свою власть над ними. Сравнительно с Енисеем их положение на новом месте обитания оказалось тяжелым. Теперь не стало тех кыштымов (а если они и остались, то в очень незначительном количестве), которые являлись для киргизских феодалов важным источником обогащения и объектом эксплуатации. Албан, который киргизы обязаны были ежегодно вносить в казну хан-тайчжи, теперь ложился всей своей тяжестью на самих киргизов. Они также обязаны были давать хан-тайжи солдат «для осторожности от бурутов» и др.[1] Словом, на новом месте кочевья сложилась крайне невыгодная обстановка как для рядовых киргизов, так и для их феодальной верхушки. Напротив, для хан-тайчжи новая обстановка была весьма удобной.

[1] ЦГАДА, Сибирский приказ, ф. 214, оп. 5, ед. хр. 1008, л. 20.

Прежняя самостоятельная власть киргизских феодалов над подчиненным им населением была теперь сильно ограничена со стороны хан-тайчжи, распространившего свою власть непосредственно на кыштымов киргизских феодалов. В результате албан, взимавшийся с зависимых рядовых кыштымов, шел теперь, минуя киргизских феодалов, прямо в казну хан-тайчжи[1]. Чтобы сохранить за собою и в дальнейшем новые преимущества, джунгарское правительство отстранило киргизских князей от участия в международных делах и поставило под свой контроль всю их деятельность на новом месте. Таким образом, политика лавирования, проводившаяся киргизскими князьями в XVIII веке, потерпела провал, а надежды, возлагавшиеся на Джунгарию, оказались обманутыми.

Обстановка, сложившаяся после переселения за Иртыш, заставила киргизских феодалов радикально изменить курс своей политики как по отношению к России, так и по отношению к джунгарскому хан-тайчжи. Последний нужен был киргизским феодалам как верховный сеньор тогда, когда они вели борьбу с русскими воеводами в Сибири из-за господства над кыштымами. Но когда эта борьба кончилась поражением киргизских феодалов и удалением их из Минусинской котловины за Иртыш, вассальная зависимость от калмакских феодалов стала весьма обременительной не только для рядового населения, но и для киргизской феодальной знати.

Киргизы теперь ясно поняли, что в действительности их главным врагом были и остаются джунгарские феодалы во главе с хан-тайчжи. Однако киргизам, совершенно обессилевшим в результате принудительного переселения, невозможно было в одиночку вести успешную борьбу за независимость против такого могущественного врага, каким были в то время калмакские феодалы. В этот критический момент бывшие енисейские киргизы находят естественного союзника в лице соседнего братского казахского народа, который упорно отстаивал свою независимость от покушений джунгарских феодалов.

Не исключено, что именно в это время возникло объединение бывших енисейских киргизов и казахов Среднего жуза, направленное против общего врага — Джунгарии.

---

[1] Материалы для истории Сибири. Чтения... ОИДР, 1866, кн. 4, стр. 80.

К такому же выводу пришел в свое время Красовский, отметивший, что енисейские киргизы, «потеряв свои земли в начале XVIII века, влились в среду того федеративного общества казахов, в которое вливались все терпевшие насилие от прежних своих властителей»[1]. В связи с этим небезынтересно привести свидетельство капитана Андреева, что киргизы «живали в степи около Июса, которая потом Чулымом называется, и при р. Абакане, но оныя как видно смешаны с нынешними кайсаками или казахами, но то был особливой народ»[2].

Чрезвычайно характерно, что в относящейся к этому же времени переписке между Россией и джунгарским хан-тайчжи, формально являвшимся верховным сеньором бывших енисейских киргизов, мы не встречаем жалоб на действия киргизов на русской границе. Это свидетельствует об окончательном разрыве всяких политических связей между киргизами и Джунгарией. Объединение бывших енисейских киргизов с казахами Среднего жуза вызвало к жизни названия «киргиз-кайсаки», «киргиз-кайсацкая орда».

Первые упоминания о «киргиз-кайсаках» и «киргиз-кайсацкой орде» мы встречаем в русских документах в 1717 г. Едва ли эта дата совершенно случайна. Скорее всего именно в начале второго десятилетия XVIII в. в результате перемещения киргизов с Енисея в район Иртышско-Илийского междуречья и произошло их объединение с казахами на территории Среднего жуза. В этой связи представляет интерес сообщение известного историка и этнографа первой половины XIX в. А. Левшина. По его мнению, «новое имя (киргиз-кайсаки), о котором говорили, вообще употребляется с начала XVIII столетия. Несмотря на то, однако ж, в бумагах 1740 г., даже 1760 г., хранящихся в архиве коллегии иностранных дел и бывшей оренбургской канцелярии, еще встречаются слова «казачьи орды» и «киргиз-кайсацкое войско». В книге Bunicena Noorden Oost tartarye, печатанной в 1705 г. в Амстердаме и сочиненной по известиям, которых большая часть была доставлена из России по воле Петра Великого, нынешния киргизская орды не называются

[1] Материалы для географии и статистики России, собранные офицером генерального штаба в области сибирских киргизов, ч. 1, СПб., 1866, стр. 18.

[2] ЦГАДА, ф. 196, дело № 1634, л. 1.

иначе, как казачьими ордами или татарскими казаками»[1].

Заметим здесь, что вопрос о происхождении термина «киргиз-кайсак» не получил, на наш взгляд, правильного решения в имеющейся литературе.

Среди дореволюционных этнографов существовало два мнения по этому вопросу. Одни утверждали, что киргизы и казахи—народы разного происхождения, и слово «киргиз-кайсак» полностью относили к казахам. Киргизов в отличие от них, очевидно по уровню общественного развития, просто стали называть «кара-киргизы», или «дикокаменные киргизы». Другие, считая это мнение ошибочным, утверждали, что киргизы и казахи имеют одно происхождение, и были склонны называть эти народы словом— «киргиз»[2]. Советские авторы, как видно из имеющейся литературы по истории Киргизии и Казахстана, без оснований считают, что казахи в XVIII в. «ошибочно» были названы «киргиз-кайсаками». В действительности это название, как отмечено нами выше, возникло в результате своеобразного хода исторического развития киргизского и казахского народов.

Объединение бывших енисейских киргизов с казахами и их совместная борьба с джунгарской агрессией имели важное значение для политики России в Южной Сибири, так как с уходом киргизских феодалов из Минусинской котловины единственным серьезным препятствием для дальнейшего добровольного вхождения в состав России племен и народов Южной Сибири стала сама джунгарская степная держава. Вместе с тем образование «киргиз-кайсацкой орды» означало консолидацию антиджунгарских сил, т. к. киргизы, объединившись с казахами Среднего жуза, противопоставили себя сеньору—джунгарскому хан-тайчжи. К тому же следует иметь в виду, что казахи и выступившие теперь совместно с ними бывшие енисейские киргизы в борьбе за независимость против господства джунгарских феодалов неизбежно долж-

---

[1] А. И. Левшин. Описание киргиз-кайсацких орд и степей, ч. 2, СПб., 1832, стр. 23.

[2] Для подкрепления вышеуказанного соображения достаточно полно будет сослаться на Алексея Харузина, путешествовавшего в «Киргизской» Букеевской степи в 1787—1788 гг.

ны были ориентироваться на более могущественную Россию.

Необходимо отметить, что прямых сведений о роли и месте енисейских киргизов в борьбе казахского народа против агрессии джунгарских феодалов в наших руках пока не имеется. Но самый факт образования «киргиз-кайсацкой орды», направленной против калмакского государственного объединения в Джунгарии, и ее сближение с Россией имели важное значение в освободительной борьбе против калмакских феодалов.

В 1730 году почти вся территория казахского Младшего и значительная часть Среднего жуза были освобождены от джунгарских феодалов. В 1731 г. казахи Младшего жуза, а в последующие годы «киргиз-кайсаки» Среднего жуза добровольно приняли подданство России.

Вместе с казахами Младшего и Среднего жуза сбросили власть калмакских кочевых феодалов и бывшие енисейские киргизы, жившие в верховьях Иртыша.

В течение XVIII в. казахи и вместе с ними бывшие енисейские киргизы, как и другие кочевые народы, находились в состоянии постоянного передвижения, обусловленного нападениями джунгар и поисками новых мест кочевий. В таких условиях очень трудно выделить из общей массы кочевого населения казахских степей бывших енисейских киргизов, тем более что в русских документах этого времени казахи и киргизы обычно именовались общим именем — «киргиз-кайсаки». Лишь во второй половине XIX в. русские этнографы и путешественники, изучая этнический состав кочевого населения Казахстана, обнаружили потомков бывших енисейских киргизов в районах Южного Алтая, в Семиречье и на левом берегу верхнего Иртыша.

С распадом Джунгарии открылась возможность для возвращения казахов на Восточный Тянь-Шань и на территорию Семиречья. Одновременно сюда переселялись и тянь-шаньские киргизы из Ферганы. Во второй половине XVIII века территория бывших Сергиопольского и Копальского уездов Семиреченской области уже была заселена хорошо известными нам родами и племенами: кыргыз, ерназар, алдияр, андас, ток-арыстан, супутай, атыгай, алджан, кара-кыргыз, таз, сары, сегиз-сары, сарыбагыс, бугу, саяк, арык-тукум, конурат, ак-буура, кульд-

жумур, касабулат, калмак и многие другие[1]. В результате этого в Семиречье происходит смешение новых различных родов, племен и даже народов. В этом процессе приняли участие и отдельные родоплеменные группы бывших енисейских киргизов, переселившихся за Иртыш в начале XVIII в.

Значительная часть бывших енисейских киргизов находилась в составе Среднего жуза—в «ведомстве Аблая». Судя по его действиям, он хотел, особенно когда стал ханом Среднего жуза, по возможности расширить объединение «киргиз-кайсаков» за счет принудительного присоединения тянь-шаньских киргизов к Среднему жузу. Таким путем Аблай стремился поднять свой авторитет среди других казахских ханов и провести широкую завоевательную политику[2]. В 1760 году он нанес поражение тянь-шаньским киргизам и привел к себе многочисленных пленных[3]. Правда, в 1764 году Аблай близ реки Или трижды подвергся сильным нападениям тянь-шаньских киргизов. Но в 1770 году Аблай вторично нападает на тянь-шаньских киргизов около реки Туро и преследует их до Чуйской долины. Битва между ними произошла около рек Кызыл-суу и Шамси, впадающих в Чу. Киргизы потерпели здесь большое поражение, так что даже из крупного рода Талкан (племя Солто) осталось лишь несколько человек. Аблай вернулся в Кокчетав, где находились его кочевья, и привел с собою пленных тянь-шаньских киргизов, которые, как мы уже отмечали, получили здесь название «жаны» (новый) и «бай» (богатый) киргизы, в отличие от бывших енисейских киргизов. Число этих киргизов росло за счет дальнейшего притока «ясырей», т. е. военнопленных, так ка Аблай-хан, а после его смерти его сыновья хан Вали и Султан Тыз постоянно находились во вражде с тянь-шаньскими киргизами и не прекращали своих набегов на них[4].

---

[1] Н. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности (Живая старина, отд. этнографии. Русск. геогр. об-ва, вып. I, 1896).

[2] Г. А. Потанин. Казако-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки (Живая старина, отд. этнограф., вып. II—III, год. XXV, СПб., 1896, стр. 63).

[3] Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба, область сибирск. киргизов, ч. 1, стр. 89.

[4] А. Левшин. Описание киргиз-кайсацких, или киргиз-казачьих орд и степей, ч. II, СПб., 1832, стр. 271.

Это смешение енисейских и тянь-шаньских киргизов с казахами Среднего жуза способствовало закреплению за казахами имени «киргиз-кайсаки», а затем и просто «киргизы», под которыми казахи известны в русских документах и трудах XVIII—XIX вв. С конца XVIII века, т. е. после того, когда в 1785 году первое посольство северных тянь-шаньских киргизов побывало в Петербурге и были официально установлены дипломатические отношения между Россией и киргизами, их стали называть «кара-киргизы» (черные киргизы), или «дикокаменные киргизы». Однако тянь-шаньские киргизы были известны русским еще в начале XVIII в. под калмакским именем «бурут»[1]. В описаниях Рычкова и трудах В. Татищева в 60-х годах XVIII столетия упоминаются «Алатай (Ала-Тоо.— А. А.) киргизы», а не «кара» или «дикокаменные» киргизы.

Енисейские и тянь-шаньские киргизы, вошедшие в Средний жуз, составляли, по словам Потанина, среди казахов «теперь эль кыргыз». В этой связи исключительный интерес представляют состязания импровизаторов Чюже и Чортонбая, проходившие в 60-х г. XVIII века во время «аша» у богатого казаха Курджубая. Казахский поэт Чортонбай упрекнул своего противника, что он не казах, а киргиз.

Необходимо отметить, что связи между енисейскими киргизами, переселенными в начале XVIII в. в Или-Иртышское междуречье, и тянь-шаньскими киргизами были установлены не только в районе верхнего Иртыша, но и в Семиречье и на Тянь-Шане. Выше уже отмечалось, что часть угнанных с Енисея киргизов была расселена вдоль рек Или и Таласа, причем многие киргизские феодалы получили калмакский феодальный титул «тайши» и раскинули свои юрты ближе к самой резиденции хантайчжи.

На реке Или и на Восточном Тянь-Шане еще до перемещения сюда енисейских киргизов обитала также подвластная калмакским феодалам меньшая часть тянь-шаньских киргизов, которых калмаки называли «бурутами». Восточные буруты делились на пять племен, общая численность которых достигала 8000 юрт.

[1] ЦГАДА. Сибирский приказ, ф. 214, оп. 5, ед. хр. 1008, л. 20; см. так же записки «Посольство капитана Унковского в Джунгарию». Русское географическое общество, т. X, вып. 2, 1887, стр. 187, 193.

В этой связи любопытно отметить, что в ставке хан-тайчжи находились представители как бывших енисейских, так и местных восточнотянь-шаньских киргизов[1]. Представители первых, по-видимому, входили в состав правительства хан-тайчжи и наряду с другими калмакскими зайсанами участвовали в переговорах с русским посольством. В статейном списке русского посла в Джунгарию тарского казачьего головы Ивана Чередова говорится, что в 1713 году «февраля в 29 день ... зайсаны Чимбил Болован, Родой, Абага, Абаши, Бунчюк, Шара, Донжин, да киргизской породы (енисейские) два зайсана Сонжюр, Ботю, призывали его Ивана на переговоры, и на написанное статьи в листу ответ давали»[2]. Между прочим, зайсан Бото и другой «киргизский князец Байгорок» позднее, вместе с русским послом майором Угрюмовым, который находился в Джунгарии в 1731—1733 гг., «в конференциях при калмыцком владельце Галдан Церене ... был и заседал»[3]. Небезынтересно отметить, что киргизский (енисейский) тайчжи Кашка сопровождал русского посла — капитана артиллерии Ив. Унковского во время его перекочевки на реках Каркары, Джергалан, Тюп, Кеген и др.[4]

Большой интерес для выяснения связи местных и бывших енисейских киргизов представляет сообщение калмакского нойона Дебачи, который в феврале 1749 года на празднике в Урге, в ставке хан-тайчжи, получил известие, что «Найман Зарге с зайсаном Олдзы Цангуновым сыном немалое число в Урге, под командою бурутов и киргиз (бывшие енисейские) и оные из Урги бежали к Абтикерим-беку и за ними были в погоне и ничего сделать не могли». Далее он сообщает, что против кокандского бека Абдыкерима и бурутов Западного Тянь-Шаня стоят на карауле «чирику (войска) 10 тысяч»[5]. С другой стороны, известно, что в столкновениях между калмаками и бурутами, т. е. местными тянь-

---

[1] Зюнгарские дела, 1731—1733 гг., оп. 113/I, дело 3, л. 32.

[2] Памятники Сибирской истории XVIII века, кн. I, 1700—1713, СПб, 1882, стр. 522.

[3] Зюнгарские дела, 1731—1733, оп. 113/I, дело № 3, лл. 32, 62, 67.

[4] Записки Русского географического общества, т. X, вып. 2, СПб, 1887, стр. 103, 109, 125, 136, 139.

[5] Зюнгарские дела, 1752, дело № 1, лл. 14, 15.

Республиканская библиотека КПП. № 48488

шаньскими киргизами, принимали участие в енисейские киргизы, входившие в состав калмакских войск[1].

Факт совместного бегства бывших енисейских и тянь-шаньских киргизов от ига калмакского хан-тайчжи в Фергану к кокандскому беку, где большая часть тянь-шаньских киргизов еще считала себя независимой и боролась с агрессией калмакских феодалов, и другие вышеприведенные данные достаточно убедительно свидетельствуют об установлении связей между бывшими енисейскими киргизами и киргизами Восточного Тянь-Шаня. В дальнейшем, по-видимому, небольшие группы бывших енисейских киргизов, жившие в бассейне Или и долине Таласа, были поглощены и растворились в общей массе киргизской народности.

Подведем некоторые итоги. Мы видели, что в начале XVIII столетия большая часть енисейских киргизов под давлением киргизских и джунгарских феодалов вынуждена была покинуть Минусинскую котловину. Некоторая часть бывших енисейских киргизов, расселенная по рр. Или и Таласу, слилась в дальнейшем с тянь-шаньскими киргизами. Другая часть, расселившаяся в верховьях Иртыша, в течение XVIII в. кочевала вместе с казахами Среднего жуза. Эти перекочевки были обусловлены как длительной борьбой с калмаками, так и поисками новых свободных просторов для кочевий. В процессе перекочевок енисейские киргизы мелкими группами смешались с казахами.

Установить места кочевий отдельных родов и племен, ввиду их сильной смешанности и частых перекочевок, чрезвычайно трудно. Для выяснения этого вопроса необходимо обратиться к трудам русских путешественников-этнографов, изучавших этнический состав населения Семиречья во второй половине XIX в., когда дальнейшие передвижения уже прекратились и перекочевки совершались в пределах определенной территории. Приведем некоторые данные из годового отчета Семиреченской области за 1869 год, где точно указаны этнические названия родов киргизов и казахов, живущих смешанно в различных волостях Сергиопольского и Копальского уездов.

Волости Сергиопольского уезда:

1. Волость Акчевская. Роды: естемесь, бар-

[1] ЦГАДА. Сибирский приказ, ф. 214, оп. 5, ед. хр. 1008, л. 20.

дыбай, казыбек, бардыке, кыргыз, тюленгут, каракалпак и др.

2. Волость Чинджилинская. Роды: нияз, кыргыз, карамулда, кипчак, даулет, кайнар, тюленгут и мн. др.

Волости Копальского уезда:

1. Волость Горноджалаировская. Роды: мурза, карачапан, супатой, андас, арыктыным, уракты, сулидан, тайкечи, садыр, сегизсары, алджан айтыш, джаныс, сарыулан, кыргыз и мн. др.

2. Волость Алтын-Имельская. Роды: акбуюм, карачапан, супатай, байчичир, мурза, арыктыным, ботбай, каптагай, садыр, сары, айкым, кеней, кыргыз, калмык, абакты, ачамайли, малгып, ток-арыстан, каймак, кара-киргиз, султан и мн. др.

3. Волость Борохудзирская. Роды: ток-арыстан, буйтугай, чибыл, сары-таз, кора, утен, икей-тунались, ажике, токести, сары-уйсун, кобрай, чолыр, кодыр, айыл, атыгай, кыргыз, уак, кендже, садыр, богу, саяк, калмык, султан и мн. др.

4. Нижне-каратальская волость. Роды: уракты, кучук, супатай, андес, карачапан, мурза, арыктыным, кара-кипчак, узун, куралаш, султан и мн. др.[1]

При анализе этих данных бросается в глаза, что бывшие енисейские киргизы, роды которых распались на части, встречаются среди других племен всегда под одним и тем же именем «кыргыз», тогда как роды тянь-шаньских киргизов и казахов отмечены строго под своими родовыми названиями.

М. Красовский среди Таминского поколения казахов Среднего жуза нашел род «кыргыз» с подродами «джунды» и «сару», а в Найманов ском отделении—киргизский род «истек», «косчи» (кущу.—А. А.), кыргыз[2]. Чокан Валиханов также пишет, что в Майли-Балтинской волости Кокчетавского округа есть два рода, которые составляют подрод Атыгаевского поколения. Но он утверждает, что один из них образовался под именем «бай» (богатый) или «жаны» (новый) из уведенных Аблаем тянь-шаньских киргизов. В этой связи небезынтересно отметить, что жи-

[1] Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник, вып. I, СПб, 1872, стр. 153—165.

[2] Материалы для географии и статистики России, собранные офицером ген. штаба, ч. I, СПб., 1866, стр. 352, 378.

тели села Кызыл-Аскер Аламединского района называются «чала-казахами» т. е. смесью с казахами. По преданию, их назвали так другие местные киргизы, когда они возвратились на прежнее место жительства после долгого пребывания у казахов Среднего жуза, куда они были уведены Аблай-ханом. Некоторые из них ушли обратно в Акмолинскую область, где живут и в настоящее время и называют себя киргизами. Они делятся на два рода—есет и тата, последний имеется и среди поколения Болокбая у племени солто, живущего в Чуйской долине. Другой род—есет или истек—упоминается в ответе «кара-киргизского» поэта Чюже Чортонбаю и в записях Красовского.

Итак, в результате принудительного переселения в Или-Иртышское междуречье у енисейских киргизов сильно разрушились родовые связи, а в дальнейшем, видимо, совершенно исчезли родо-племенные подразделения. В силу сложившихся обстоятельств они мелкими группами или небольшими подродами слились с казахами и тянь-шаньскими киргизами. В силу сравнительно небольшой численности бывших енисейских киргизов, слившихся с тянь-шаньскими киргизами, они не могли играть сколько-нибудь заметной роли в завершении складывания киргизской народности. Однако сам по себе факт слияния части бывших енисейских киргизов с тянь-шаньскими киргизами в XVIII в. представляет определенный интерес, тем более, что вторая половина XVIII в. была завершающим этапом формирования киргизской народности. В этой связи можно говорить, что событиями, разыгравшимися на Енисее в начале XVIII века, завершился длительный процесс переселения киргизов в Семиречье и на Тянь-Шань, растянувшийся более чем на тысячелетие.

ОБ ИСТОРИЧЕСКИХ СУДЬБАХ КИРГИЗОВ, ОСТАВШИХСЯ НА ЕНИСЕЕ

До сих пор в исторической литературе держится мнение, высказанное рядом исследователей истории народов Южной Сибири и Киргизии, согласно которому калмакские и киргизские феодалы увели в 1703 г. из Минусинской котловины все киргизское население. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы, как архивные, так и опубликованные, опровергают это мнение и показывают, что на Енисее и после событий 1703 г. оставалась значительная группа киргизов, судьба которых сложилась иначе, нежели судьба той их части, которая подверглась принудительному переселению.

Вплоть до лета 1703 г., когда произошло принудительное переселение значительной части енисейских киргизов, киргизские князья нарушали условия договора 1701 г., даже провоцировали князей своих кыштымов против русских в Красноярском уезде. Так, в донесении Красноярского воеводы от 26 января 1704 года сообщается, что в течение 1702 г. «киргизские князцы улусные люди... с кыштымов своих ясаку не дали» и вплоть до середины октября 1703 года «аманатов не переменили». Вместе с тем «под Красноярской и под уезд войною прихаживали» бохтинские кыштымы киргизских князей, совершавшие набеги по наущению своих сеньоров.

После событий 1703 г. руководители бохтинских кыштымов Абал Кежегешев, Содяк Тортыков и Кечейко Бузугашев во второй половине октября явились под караульный острог и принесли повинную царским властям. При этом А. Кежегешев прямо говорил русскому представителю Федору Моисееву, что «изменили де они великому государю и русских людей побивали по велению киргизских князцев».

Следует вообще отметить, что договор 1701 г. рассматривался киргизскими князьями как вынужденная и временная мера, а к его тяжелым условиям, требовавшим, в частности, уплаты в царскую казну ясака за своих кыштымов, киргизские феодалы относились совершенно несерьезно. Напомним, что договор был заключен в обстановке значительной активизации военных действий со стороны сибирских воевод в конце XVII века, когда киргизские феодалы после ряда тяжелых поражений и неудач окончательно убедились в невозможности в дальнейшем отстоять свое монопольное господство над зависимыми племенами Южной Сибири.

Не исключено поэтому, что план увода киргизов с Енисея мог быть задуман феодальной верхушкой и правительством хан-тайчжи еще до начала переговоров о мире с русскими. Иначе киргизские князья едва ли пошли бы на такие серьезные уступки и согласились на включение в договор условий, полностью отсутствовавших в мирных договорах, заключавшихся с русскими в течение XVII в. Выполнение условий этого договора в конечном счете означало бы для киргизских князей не что иное как полное признание своей зависимости от русских властей и отказ от господствующего положения в Южной Сибири. Для правительства хан-тайчжи это было равносильно прямой потере своих пограничных провинций, имевших не только экономическое, но и военно-стратегическое значение. Естественно поэтому, что киргизские феодалы и их верховный сеньор хан-тайчжи смотрели на договор лишь как на временный вынужденный тактический шаг.

Характерно, что после 1701 г. киргизские феодалы не предпринимали набегов своими силами на русские поселения и города. Очевидно киргизские князья прекрасно понимали, что в случае возобновления военных действий они получат такой ответный удар со стороны русских войск, который окончательно приведет их к гибели. Не осмеливаясь на открытое нападение, они ограничивались лишь тем, что провоцировали князей своих кыштымов на выступления против русских поселений. Таким образом, с 1701 г. по декабрь 1703 года между обеими сторонами фактически царил мир.

Известие об уводе енисейских киргизов калмакскими зайсанами в Джунгарию едва ли не впервые было доставлено красноярским воеводам М. Пушкину и И. Савичу в

конце 1703 г. 29 октября 1703 г. из караульного острога в Красноярск прибыл конный казак пятидесятник Федор Моисеев, который сообщил воеводе И. Савичу, что 15 октября 1703 г. в острог «приходил Кизылский ясачный татарин, а в вестях сказывал: приехали де 2500 калмыков в киргизскую землицу и киргиз де к себе загнали всех и ныне де в киргизской землице киргиз никого нет». Это известие подтвердили приехавшие через несколько дней бохтинские кыштымы, сдавшиеся на милость русских властей.

Неожиданное сообщение об уводе киргизов войсками хан-тайчжи и добровольной сдаче бохтинских кыштымов, брошенных на произвол судьбы своими сеньорами—киргизскими князьями, вызвало тревогу русских властей в Сибири, решивших срочно проверить и уточнить правильность полученных сведений с тем, чтобы предпринять в дальнейшем соответствующие меры. 16 ноября 1703 года из Красноярска в «киргизскую землицу» были срочно отправлены казак Прокопий Кураев с товарищами. П. Кураеву предписывалось «проведать накрепко про киргизских князцов и про их улусных людей, где они кочевьем стоят и сколько у которого князца в улусе людей и нет ли на их киргизской землице ... калмыцких людей, и буде есть и сколько человек». Если факты об уводе киргизов подтвердятся, П. Кураеву приказано было «також проведать» киргизских кыштымов и «призвать» их в российское подданство[1].

Видимо, П. Кураев подтвердил факты об уводе калмакскими зайсанами значительной части киргизов и некоторой части других племен из Минусинской котловины. Сведения об этом поступали и от других людей, которые побывали в верховьях Енисея после трагических летних событий. Не исключено, что русские власти получили какие-то данные о численности оставшихся на Енисее киргизов и их местонахождении, о чем свидетельствуют срочные меры, предпринятые царскими властями в Сибири.

Вскоре после ухода в Джунгарию значительной части киргизских феодалов бывшие кыштымы киргизских князей начали отправлять к русским властям в Сибири своих представителей с просьбой о добровольном присоедине-

[1] Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. I, 1700—1713 гг., № 58, 59.

нии к России. Однако массовое движение населения Минусинской котловины, имевшее целью добровольный переход в подданство России, продолжало встречать препятствия со стороны оставшихся на Енисее киргизских феодалов, которые упорно пытались сохранить прежнее положение и продолжали враждебно относиться к России. С другой стороны, правительство Петра I не оставило своих планов укрепления власти России в Южной Сибири. Новая обстановка, сложившаяся после принудительного выселения значительной части енисейских киргизов джунгарами, облегчала сибирским воеводам осуществление этих планов.

Военные отряды томского воеводы при поддержке кузнецкого и красноярского воевод дважды предпринимали так называемый «киргизский поход», чтобы «воров киргизских людей и изменников шуйских татар смирить войною и чинить над ними поиск со всяким радением». Еще до того как царскому правительству стало известно об уводе киргизов калмаками, специальным указом от 1 ноября 1703 года томскому воеводе было предписано направить на «службу в киргизскую землицу томских всякого чина служилых людей на лошадях, с пушки и с обозы и со всею полною службою». Однако ввиду большого снега, а также из-за отсутствия достаточных сведений об оставшихся киргизах местные царские власти отсрочили начало этого похода до конца марта 1704 г. Вместо этого 12 декабря 1703 года были посланы «в киргизскую землицу войною 500 служилых людей и казаков» во главе с М. Лавровым на лыжах с нартами и «со всею полною службою». В урочище на речке Базыре (правый приток Урюпа) отряд Михаила Лаврова встретился с киргизами и шуйскими татарами и в происшедшем здесь столкновении нанес им сильное поражение[1]. В своем донесении М. Лавров сообщал, что руководимые им отряды обнаружили и разгромили «киргизских людей и шуйских татар юрт 50 и больше». Причем многих из них «побили до смерти, а иных переранили и в полон побрали». По словам М. Лаврова, сражение продолжалось целый «день с утра до вечера. И на том бою,—доносил М. Лавров. сообщая о потерях киргизов, — побили их киргизских

[1] Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. I, СПб, 1882, №60; Сибирский приказ„ ф. 214, ед. хр. 849, л. 13; там же, опись 5, ед. хр. 763, л. 46.

людей до смерти 26 человек, да иных многих ранили, а в полон побрали 144 человека, а иные с того боя со старых своих урочищев разбежались в дальные места». На обратном пути, когда отряд М. Лаврова возвращался в Томск, на него «набежали» находившиеся в это время в «киргизской землице» «в облаве зверовья» киргизы и шуйские татары всего «человек в 50 и больше» под предводительством татарина Абыштайко Барсакова «и учинили бой», который продолжался «до полудни»[1]. Этот зимний «киргизский поход» носил главным образом разведывательный характер, о чем свидетельствуют сами инструкции, данные М. Лаврову и предписывавшие ему «над киргизскими людьми промышлять со всяким усердным радением и о том наряде к Москве в Сибирский приказ писать»[2]. Дело в том, что русские власти в Сибири после увода части киргизов калмакскими зайсанами не были достаточно осведомлены о численности, военной силе и местонахождении оставшихся на Енисее киргизов. М. Лавров выполнил стоявшую перед ним задачу: ему, как мы видели, удалось обнаружить часть оставшихся на Енисее киргизов и уведомить правительство о их многочисленности. Таким образом, после военной экспедиции М. Лаврова русское правительство получило интересовавшие его сведения.

Опираясь на эти сведения, царские власти в Сибири сочли целесообразным, прежде чем начинать военные действия, послать в «киргизскую землицу» своих представителей для сбора ясака от киргизских кыштымов и переговоров с киргизскими князьями о выполнении договора 1701 г. Результаты этой попытки хорошо известны. 26 января 1704 г. дети боярские Ив. Злобин, Ив. Садовский и др., отправленные из Красноярска в «киргизскую землицу», в своем донесении сообщили, что они «киргизских князцов никого не изъехали». Из этого давно известного сообщения Ив. Злобина в нашей исторической литературе обычно делается категорический вывод о том, что летом 1703 г. калмакские феодалы увели в Джунгарию всех енисейских киргизов и после этих событий на Енисее можно было лишь время от времени встретить

[1] Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. 1, СПб., 1882, № 60; Сибирский приказ, ф. 214, ед. хр. 849, л. 13; там же, опись 5, ед. хр. 763, л. 46.

[2] Памятники Сибирской истории XVIII в., кн. 1, № 60.

отдельных, случайно оставшихся здесь киргизов. Однако обращает на себя внимание, что посольство Ив. Злобина состоялось сразу же после возвращения отрядов М. Лаврова, когда киргизы, и без того напуганные действиями джунгарских войск, ушли, спасаясь от русских отрядов, со старых кочевий в глубь тайги, о чем, кстати, сообщал сам М. Лавров. Не удивительно, что Ив. Злобин, не располагавший вооруженными силами, ограничился поездкой по местам старых, давно известных русским киргизских кочевий и не решился углубиться в дальние глухие районы, где только и можно было встретить в это время киргизов. Естественно поэтому, что он никого не нашел. Едва ли в этих условиях можно считать его донесение доказательством того, что с Енисея ушли все киргизы. Во всяком случае последующие события показали, что на Енисее оставалась довольно значительная группа енисейских киргизов.

Вскоре после возвращения И. Злобина в марте 1704 года русские отряды под командованием Осипа Качанова и Ильи Цыцурина были направлены «через реки Яю и Кию до Белого озера и Черного и Белого Июсов на киргизских людей и шуйских татар»[1]. Эти отряды насчитывали 738 человек «на лошадях, со всею полною службою». Разделившись на две части, они двинулись на «киргизскую землицу» по разным направлениям.

30 марта 1704 г. отряды служилых людей, находившиеся под командованием О. Качанова в районе Белого озера, «наехали» на лыжный след. По этому следу О. Качанов послал разведчиков под начальством А. Кругликова и Ф. Фреднина «с полку наперед для проведывания юрт» киргизских. Разведчики вышли к болоту и выяснили, что вблизи болота в ельнике стоят киргизские юрты. Вслед за разведчиками к юртам был послан отряд численностью 20 человек под командованием Ив. Великосельского, «и они де Иван усмотрели киргизский улус и стали на опал час в крепком месте». Тогда к обнаруженным юртам двинулись остальные силы во главе с О. Качановым «и учинили с ними киргизами бой и многих их побили и ясырь пленных взяли». Во время боя из района юрт побежало двое киргиз, но они были пойманы Ив. Великосельским. Допрошенные О. Качановым, они

[1] Памятники Сибирской истории XVIII в., № 59, 60.

рассказали о местонахождении других киргизских юрт, расположенных вокруг Белого озера. Эти юрты также были захвачены русским отрядом без особых столкновений. Затем О. Качанов двинулся «на киргизские улусы по речкам Солгон и Исерсе и вверх по Июсам и за Июсы». Обнаруженные на этих речках многочисленные юрты киргизов русские отряды «погромили, а ясырь в полон побрали». Кроме того, в том же районе отряды О. Качанова «в разных местах по сказкам языков нашли киргиз 31 юрту». Характерно, что в этой военной экспедиции отряды О. Качанова обнаружили киргизов из 4-х киргизских улусов: Корчункова, Уйбашина, Кулагина и Улагачева[1]. Отряды, находившиеся под командованием И. Цыцурина, действовали в районе «от речки Базыру ... до Божия озера и до Черного и Белого Юсов и до речки Батой». Здесь также были обнаружены многочисленные юрты киргиз и шуйских татар, оказавших сопротивление русским отрядам. «И они де воры бои многие с ним, Ильею, давали и из пищалей и из луков по ним стреляли и бились многие числа». В ходе боев киргизы понесли потери убитыми и ранеными, в плен было взято «165 человек мужеска полу и женска да князца Улагачка взяли цветную юрту со всяким убранством». Интересно отметить, что среди пленных оказался двоюродный брат киргизского «князца Улагачка».

Всего в двух военных экспедициях в «киргизскую землицу», организованных томским воеводой в декабре 1703 г. и в марте 1704 г., приняло участие 1140 «всяких чинов» русских служилых людей в Сибири. Потери, понесенные киргизами во время боев, составляли убитыми 187 и пленными 385 человек обоего пола[2]. В числе пленных находился князь Кашка, казненный в Томске по приказу воеводы[3]. Важно отметить, что вскоре после того, как отряды томского воеводы нанесли поражение киргизам и шуйским татарам на севере, в районе Белого и Божьего озер и в других местностях, другая часть киргизов из центрального района «киргизской землицы»

---

[1] Сибирский приказ, ф. 214, ед. хр. 849, опись 5, лл. 6, 14—16; ед. хр. 1239, лл. 1—2.

[2] Там же, лл. 6—9.

[3] Сибирский вестник, СПб., 1821, стр. 11.

совершила набег на Кондомскую волость Томского уезда[1].

Набег на Кондомскую волость был первым и последним крупным мероприятием, организованным киргизскими феодалами и феодальной верхушкой шуйских татар после 1703 года. В этой связи следует подчеркнуть, что силы киргизов на Енисее после событий 1703 года были значительно ослаблены. Поэтому киргизские феодалы не в состоянии были теперь самостоятельно совершать сколько-нибудь крупные набеги на русские владения или оказывать длительное и серьезное сопротивление отрядам русских служилых людей. Это с неизбежностью вело к более тесному сплочению киргизов с шуйскими татарами, феодальная знать которых беспокоила сибирские власти и ранее не меньше, чем киргизские феодалы.

Характерно, что именно с 1703 г. в русских документах все чаще встречаются упоминания о набегах киргизов совместно с шуйскими татарами, причем знатные люди последних иногда даже возглавляют эти набеги. Небезынтересно отметить, что вместе с ними подчас выступают зависевшие от русских властей ясачные татары. В этой связи немаловажный интерес представляют неоднократные донесения томского воеводы Г. П. Петрова о том, что некоторые татары, уклоняясь от уплаты ясака, бегут в киргизские районы и там находят себе приют[2].

О продолжавшихся после 1704 г. набегах киргизов мы узнаем из жалобы ясачных людей Койбальской ясачной волости Красноярского уезда. Ясачные люди, пострадавшие от набега киргизов, подали сборщику ясака конному казаку Ивану Семенову челобитную, в которой сообщали, что «в прошлом 1706 г. в Красноярский уезд в койбальских улусах приходили киргизских воровских людей 8 человек и у ясачных де людей отняли 6 лошадей да и запасы их иноземские отнимают». В связи с этим ясачные люди просили красноярского воеводу, «чтобы в пристойном месте для сбору ясаку и ... для обороны от киргиз поставить острог»[3]. Характерно, что об этом набеге киргизов и требовании населения Койбаль-

[1] Сибирский приказ, ф. 214, ед. хр. 1199, лл. 10, 31—33.

[2] См. Несколько писем к царю в Сибирском приказе, ф. 214, ед. хр. 789, дело 262 и 1274.

[3] Сибирский приказ, ф. 214, ед. хр. 875, л. 17.

ской волости о постройке на из землях острога, который мог бы оборонять их от дальнейших набегов, красноярский воевода М. П. Гагарин поставил в известность центральное правительство. Однако М. П. Гагарин полагал, что вопрос о постройке острога следует еще изучить.

Из других документов того времени мы узнаем, что после поражения киргизов весною 1704 г. роль шуйских татар в организации совместных с киргизами набегов на ясачные волости Томского уезда особенно возросла. Важную роль в организации грабительских набегов на русские владения играли среди шуйских татар Кучелако Табункин и Конзачачко Уханков. Кучелако Табункин до 1703 г. служил у киргизских князей Корчуна и Улагача. По его собственному признанию, он участвовал в организованном киргизскими князьями ограблении и убийстве посланца томского воеводы Нестора с товарищем. И «пожитки разделили меж собою киргизские князцы Корчинко да Улагачка, а ему Кучелаку дали только одну шубу баранью»[1]. Не поладив с киргизскими князьями, К. Табункин и К. Уханков «выезжали ис киргиз в Томской служить великому государю», но в Томске не ужились: через год, подговорив с собою служивших в Томске шуйских татар, они «ис Томска воровски бежали в киргизскую землицу»[2]. В 1703 г. они оказались среди киргизов, подвергшихся принудительному уводу в Джунгарию, но по пути сумели бежать на родину, где продолжали разбойничьч набеги на русские владения.

В 1706 г. князцы Чулымских ясачных волостей, всего 8 человек с товарищами, явились к русским властям в Аргу (в районе Ачинского острога) и сообщили о грабительских набегах К. Табункина, К. Уханкова «с товарищи» на Чулымские волости. Чулымские князцы утверждали, что К. Табункин и К. Уханков «под Томской уезд проходили войною многожды». Так, в 1705 г. «они же Конзачачко и Кучелако с товарищи приходили войною» в район рек Чулым и Яй и убивали служилых людей, посланных из Томска в Ачинский острог для сбора ясака, грабили ясачных людей, стогнали много скота, «сожгли на скирдах хлеба и проса». Чулымские князцы

---

[1] Сибирский приказ, ф. 214, дело 927, л. 61.
[2] Там же, ед. хр. 1274, л. 6.

просили у томского воеводы защиты и помощи, настаивая на том, чтобы «переловить» этих «воров и изменников». Князцы утверждали, что «естли де они Кучелако и Конзачачко с товарищи ныне будут по Чулыму реке жить», то набеги не прекратятся: К. Табункин и К. Уханков будут вместе с киргизами «их ясачных людей по прежнему разорять без остатка», одновременно организуя нападения и на Томский уезд[1]. Вполне возможно, что именно просьбы князей Чулымских и Койбальских ясачных волостей о защите от набегов киргизов и шуйских татар привели к организации военной экспедиции отрядов томских служилых людей под начальством казачьих голов С. Цыцурина и А. Степанова. В 1706 году эти отряды прибыли в районы, где обычно находились киргизские кочевья «до Белого озера и до рек Черного и Белого Июса». Здесь была организована широкая разведка, в ходе которой русские отряды «подсмотрели многие киргизских и шуйских татар юрты». Кочевья киргиз и шуйских татар были атакованы отрядами томского воеводы. Во время боев было взято много пленных, среди которых оказался и «киргизетин Каназарко Колодин, а он де Каназарко был улусный человек киргизского князца Корчинка Еренакова».

Летом 1707 г. из Ачинского острога был направлен в Арчу отряд в количестве 10 человек во главе с приказчиком П. Петровым «на воров и изменников шуйских татар Кучелаку и Конзачачку с товарищи». После пятидневных поисков их местонахождение было обнаружено и сами они с боем взяты в плен, причем вместе с ними в плен взяли «киргизетина Шурлучучка да киргизских ребят пять человек»[2]. Все они были доставлены в Томск.

К лету 1707 г. разбойничьи и грабительские набеги киргизов на русские владения, организованные их феодальной верхушкой, окончательно прекратились. Одна из причин прекращения набегов заключалась в том, что часть феодальной верхушки киргизов, убежденная в невозможности дальнейшей борьбы против России, в 1703 г. переселилась в Джунгарию, где нашла приют у

[1] Сибирский приказ, ф. 214, ед. хр. 927, лл. 58—61; там же, ед. хр. 1018, л. 22.

[2] Сибирский приказ, ф. 214, ед. хр. 927, л. 59; там же, ед. хр. 1018; лл. 22—23.

хан-тайчжи. Правда, часть киргизских феодалов, оставшихся на Енисее, еще пыталась совместно с шуйскими татарами, без поддержки калмакских феодалов, нападать на русские поселения и ясачные волости. Но эти нападения не имели успеха. Рядовые киргизы и бывшие кыштымы киргизских князей начали в массовом порядке переходить под власть России. Тем самым господство киргизских князей над населением Минусинской котловины в начале XVIII века было ликвидировано.

Различные родны и племена, жившие в Минусинской котловине, в том числе и рядовые киргизы, находившиеся веками под гнетом киргизских и монгольских феодалов, полностью были присоединены к России. Путь для дальнейшей колонизации Россией Южной Сибири был открыт. С этого момента вопрос о принудительном переселении в 1703 г. калмакскими зайсанами части енисейских киргизов в Джунгарию и последовавшем за этим присоединении оставшихся на Енисее киргизов к России стал предметом переговоров между представителями русского и джунгарского правительства как в Петербурге, так и в Урге.

Выше уже отмечалось, что хан-тайчжи в 1719 и 1721 гг. уверял русских представителей Чередова и капитана Унковского в том, что джунгарские власти не производили принудительного переселения енисейских киргизов, а последние якобы сами, обиженные русскими сибирскими властями, «к нам пеши пришли». Дипломатические документы, связанные с русско-джунгарскими переговорами, являются чрезвычайно важным источником для выяснения вопроса о численности оставшихся на Енисее киргизов и вхождении их в состав многонационального русского государства. В этой связи особый интерес представляют заявления хан-тайчжи Галдан-Цэрена во время переговоров с русским послом майором Угрюмовым, находившимся в ставке хан-тайчжи с 1732 по 1734 г.

Эти переговоры проходили в напряженной обстановке, так как в этот период опасность, грозившая Джунгарии со стороны манчжурского правительства, временно была снята. В связи с этим представители хан-тайчжи заняли во время переговоров твердую позицию и упорно требовали передачи Джунгарии части киргизов и других племен, которые остались после принудительного

увода их с Енисея, а также претендовали на их обитаемую территорию. В 1732 г. Галдан-Цэрен спрашивал Угрюмова: «...да кроме тех, недавно несколько наших киргизов с 300 кибиток, у мингатов с 60 кибиток в Томском и Кузнецком уезде (русские) войною взяли и поныне у вас де тех отдадутца ли»[1].

С такими же претензиями хан-тайчжи обратился и в следующем, 1733 году. Настойчивые требования джунгар заставили русское правительство уточнить сведения о киргизах. Сибирскому губернатору был послан запрос о претензиях хан-тайчжи. В ответном письме от 31 августа 1733 г. сибирский губернатор занял вполне определенную позицию. Он утверждал, что если в Сибирской губернии имеются перебежчики из Джунгарии калмыки, то «тех надлежит отдать» и впредь беглых калмыков в Россию «не принимать». Однако джунгарское правительство, по мнению губернатора, требовало возвращения тех народов, которые перешли «в давних годах от киргиз и от белых калмыков и тех ясачных людей отдавать не надлежит». Эти народы и заселенные ими территории были «из давних лет под державою Российскою в ясаке, а некоторые были во владении киргизских князцев, и те тоже были под державою Российскою, и потом отложились и ясаку платить не стали». Джунгарские власти владели киргизами сравнительно короткое время и не имеют права выдвигать какие-либо претензии. Более того, по мнению губернатора, «киргизы, которые кочевали близ Кузнецка и Красноярска, и сами надлежат быть во владении Российском, а не калмыцком»[2]. В соответствии с этим мнением сибирского губернатора в июле 1735 г. джунгарскому послу Розу Мемету была вручена ответная нота, отвергавшая претензии джунгарского правительства как «неосновательные». В ноте утверждалось, что «ушедшие киргизы и сами надлежат быть во владении Российском, а не его Зенгорского владельца», так что Россия вправе предъявить претензии о возвращении «ушедших киргизов»[3]. Ответ рус-

[1] Зюнгарские дела, 1731—1733, оп. 113/I, д. № 3, лл. 70—80.

[2] ЦГАДА, ф. 1121, 1689, д. № 163, лл. 45—51б. См. письмо сибирского губернатора к императрице от 31 августа 1733 г.; см. также Зюнгарские дела, 1735, оп. 113/I, № 1, лл. 9—24, 64—70.

[3] См. ответное письмо императрицы к Галдан-Цорену от 29 июля 1735 г., ЦГАДА, ф. 1121, 1689, № 163, лл. 55б—56б.

ского правительства заставил джунгар навсегда отказаться от своих претензий.

Однако приведенные выше переговоры и переписка хан-тайчжи с русским правительством о киргизах, оставшихся и переселенных с Енисея, имеют большое значение для установления численности киргизов, оставшихся на Енисее. По заявлению Галдан-Цэрена, их насчитывалось 300 кибиток, общая численность примерно 1500 душ. Можно было бы полагать, что правительство хантайчжи в своих претензиях преувеличивает численность оставшихся киргизов. Характерно, однако, что сибирский губернатор в уже цитированном выше письме подтверждает правильность сведений о численности оставшихся киргизов и прямо указывает, что эти киргизы являются российскими подданными. Следовательно, заявление Галдан-Цэрена об оставшихся киргизах является в целом правильным.

Выше мы уже приводили факты о неоднократных набегах киргизов и шуйских татар, организованных их феодальной верхушкой, и военных действиях русских служилых людей в Минусинской котловине, имевших место в 1703—1706 гг., т. е. уже после того, как часть енисейских киргизов была насильственно уведена в Джунгарию. В ходе этих столкновений, как мы уже отмечали, русскими были взяты многочисленные пленные. Эти факты в соединении со сведениями, которые мы находим в материалах русско-джунгарских переговоров, не оставляют сомнений в относительной многочисленности оставшихся на Енисее киргизов.

Увод части жителей Енисея произошел с большой поспешностью, причем и киргизские князья и калмакские зайсаны стремились избежать военного столкновения с русскими воеводами. Конечно, при такой обстановке джунгарским зайсанам и киргизским князьям невозможно было согнать в одно место всех киргизов, так как «стояли де они особливым кочевьем»[1], т. е. жили не компактно, а вперемежку с другими племенами на обширной территории от верховья р. Чулыма до Саянских гор. Поэтому насильственному уводу подвергались жители не всего края, а лишь той его части, кото-

[1] Материалы по истории Сибири, 1886, кн. 4, стр. 80.

рая была гуще заселена, т. е. население южных районов Минусинской котловины.

Между тем экспедиции русских отрядов в 1703—1706 гг. направлялись в северные районы киргизских земель, и именно там происходили военные действия. Из этого видно, что северные киргизы, кочевья которых находились в районе обоих Июсов, верхнего Чулыма, Белого и Божьего озер и прилегающих к ним местностях, в малой степени подверглись принудительному уводу со стороны калмакских феодалов. Очевидно, из этих районов «киргизской землицы» ушли в Джунгарию преимущественно представители феодальной верхушки, да и то не все, о чем свидетельствует перечень пленных рядовых и знатных киргизов. Многие из них во время суматохи, связанной с переселением, чтобы не подвергаться насилию калмакских и киргизских феодалов, бежали «за камень» и укрылись в лесах. В этой связи обращают на себя внимание показания уже упоминавшегося выше пленного киргиза Шерлучачко, заявившего на допросе, что он не подвергался принудительному уводу калмаками, так как в это время находился «близ ачинских ясачных волостей тайно»[1].

Все сказанное позволяет сделать вывод, что если среди уведенных калмаками с Енисея племен большую часть составляли киргизы, то и среди оставшихся жителей Минусинской котловины киргизы также составляли значительную группу.

В дальнейшем число оставшихся на Енисее киргизов пополнилось перебежчиками с джунгарской стороны, получившими наименование «киргиз-калмыков». На новых местах жительства киргизы попали в тяжелую кабалу к джунгарским феодалам и терпели, по их словам, «многие обиды»[2]. Невыносимые условия жизни в Джунгарии приводили к тому, что многие енисейские киргизы бежали к русской границе и заявляли о своем желании перейти в русское подданство. Об этом свидетельствуют многочисленные дипломатические документы, буквально наполненные требованиями джунгарских властей о возвращении перебежчиков.

---

[1] Сибирский приказ, ф. 214, ед. хр. 927, л. 62.

[2] Г. Н. Потанин. Материалы для истории Сибири. М., 1866, стр. 62.

Широкий переход перебежчиков к русской границе начался тогда, когда государство хан-тайчжи в результате феодальных междоусобиц стало ослабевать, а затем и пало в 1758 г. под ударами внешних врагов. В 1746, 1747 и 1757 гг. русскими пограничными властями были задержаны целые группы перебежчиков «киргиз-калмыков», которые единогласно показывали, что они слышали о том, будто часть киргизов осталась в своих древних кочевьях и изъявляла желание вернуться на прежние места жительства.

Таков был финал политики киргизских феодалов. В течение столетия они упорно противодействовали проникновению в среду киргизов и зависимых от них племен влияния русской прогрессивной культуры и пытались не допустить их вхождения в состав России. Стремясь во что бы то ни стало сохранить свое господствующее положение в Минусинской котловине, они, при непосредственной поддержке и помощи со стороны монгольских феодалов, в течение XVII и начала XVIII века причиняли русским и мирному ясачному населению немалый материальный урон. Их грабительские набеги уносили много людских жизней, а вызванные этими набегами ответные действия царских отрядов причиняли значительные людские и материальные потери самим киргизам и их кыштымам. Эгоистическая и грабительская политика, проводившаяся феодальной верхушкой киргизов, в конечном счете привела к распылению енисейских киргизов, их распаду как единого целого. Эта политика дорого стоила самим киргизским феодалам, большинство которых вынуждено было уйти из районов, населенных киргизами с древнейших времен.

Результатом всех этих событий была не только ликвидация господства киргизских феодалов в Минусинской котловине, но и почти полное исчезновение их самих в начале XVIII в. в Южной Сибири. Это привело к тому, что жизнь местного населения коренным образом изменилась. Создавались благоприятные условия для мирного освоения как русскими, так и местным населением обширных пространств, расположенных в верховьях Енисея, особенно в степи, тянувшейся от устья Чулыма до Саяно-Абаканского плоскогорья.

Напуганные масштабом и характером массового насилия, произведенного войсками хан-тайчжи и киргиз-

скими феодалами, местные жители, особенно кыштымы киргизских князей, обратились к русским властям с просьбой о принятии их в русское подданство и изъявили готовность платить ясак. 15 октября 1703 года в Красноярск прибыл кизылский ясачный татарин, сообщивший об уводе киргизов калмаками в Джунгарию и рассказавший, что «после де того приехали под караульный острог представители бохтинских кыштымов Абал Кежегешев, Содяк Тартыков и Кечке Бурчюшев», которые принесли повинную и изъявили готовность платить ясак. Правда, на приглашение казачьего пятидесятника Ф. Моисеева явиться непосредственно в острог они ответили отказом, видимо, опасаясь ареста, но уплатили русским представителям ясак: «Абал дал бобра да лисицу за 5 соболей, Кечки дал бобра за 3 соболя, Содяк дал два бобра не больше за 2 соболя»[1].

Таким образом, уже осенью 1703 года бывшие кыштымы киргизских князей начали добровольно переходить в русское подданство. Это поставило перед русскими властями в Сибири вопрос об установлении определенных взаимоотношений с населением районов, только что освободившихся от вековой зависимости и жестокой эксплуатации со стороны киргизских феодалов-кочевников, тем более что движение за добровольное присоединение к России приобретало все более массовый характер.

Однако на первых порах это движение тормозилось действиями оставшихся на Енисее киргизских феодалов, которые не только препятствовали стремлениям зависимых от них родов и племен, но, как отмечено выше, рассылали своих людей и вели агитацию среди подчиненного русским властям ясачного населения, призывая его к себе. Под влиянием этой агитации некоторая часть ясачных сибирских татар, уклоняясь от уплаты ясака, бежала в северные районы «киргизских земель». При их помощи феодалы киргизов и шуйских татар совершали мелкие, но зато частые набеги на русские владения, продолжая тем самым старую обанкротившуюся политику киргизских князей.

В этих условиях русские власти в Сибири решили, с одной стороны, направить военные силы против жалких остатков киргизских феодалов и союзных с ними шуй-

[1] Памятники Сибирской истории XVIII в., № 58.

ских татар, о чем уже говорилось выше, с другой, — послать своих представителей к бывшим кыштымам киргизских князей, чтобы «призвать» их в российское подданство и «в ясачный платеж». Уже П. Кураеву, отправленному, как отмечалось выше, в киргизские земли в ноябре 1703 г. с разведывательными целями, было приказано одновременно разыскать бохтинских кыштымов и призвать их в подданство России. П. Кураев должен был заявить им, чтобы они ехали в Красноярск или в караульный острог «безо всякого опасения и с собою б призывали свою братью киргизских кыштымов и иных землиц великого государя в ясачный платеж». Красноярскому воеводе и властям караульного острога было предписано правительством в случае приезда Абала Кежегешева с товарищами «по призыву его Прокофьеву» оказать им хороший прием и «за тот их ясак ... поить и кормить довольно своим государевым жалованием», если же они «призовут ... свою братию киргизских кыштымов в ясачный платеж», то инструкция приказывала особо «пожаловать» их «государевым жалованием»[1]. Таким образом, была сделана попытка распространить власть России на бывших киргизских кыштымов, причем царское правительство, в ожидании расширения своих владений в Сибири, не скупилось, как видим, на обещания и подарки. В этом же году другие представители сибирских властей были отправлены из Красноярска в Койбальский улус также «для призвания» бывших кыштымов киргизских князей «в ясачный платеж». Посланцам поручено было «новоприисканным ясачным людям» сказать, чтобы они «великому государю служили и прямили и во всем добро хотели по своей вере и по шерти, как они ясачные люди у шерти обещались, и чтоб они друг за другом измены и всякого дурна смотрели и проведывали и ясак платили з доброго лутчего зверя, какой у них в улове будет»[2].

В январе 1704 г. известному посольству И. Злобина и И. Садовского было приказано не только разведать местопребывание оставшихся на Енисее киргизов, но и закрепить результаты усилий по распространению русской власти на бывших киргизских кыштымов. Им было

[1] Памятники Сибирской истории XVIII в., т. 1, № 58.
[2] Сибирский приказ, ф. 214, ед. хр. 1058, л. 330.

поручено не только «призывать» бывших «киргизских и тубинских разных улусов кыштымов» в русское подданство, но и собирать «с тех тубинцев и с киргизских кыштымов ясак в казну». Они должны были занести «ново приисканных» ясачных людей в ясачную книгу, где следовало подробно указать, «что с кого ясаку и поминков и с которого улусу и с кого имяны и каким зверем взято будет, и то писать имянно по улусам и по статьям в книгу и те сборные книги» сдать в приказной избе в Красноярске воеводе М. Пушкину.

В своем отчете И. Злобин и его товарищи сообщали, что они выполнили поручение и призывали киргизских кыштымов «в вечной ясачной платеж». По их словам, им удалось получить согласие на уплату ясака от «киргизских и тубинских разных улусов кыштымов», с которых они собрали установленный ясак «со всяким радением». К отчету был приложен перечень «улусов и скольких человек и по скольку соболей с улуса собирали». Согласно этому перечню, к январю 1704 г. приняло русское подданство и уплатило ясак население 14 улусов, не считая «остальцев тубинцев». В отчете указывалось также, что многие киргизские кыштымы во время насильственного угона населения Минусинской котловины калмакскими зайсанами бежали «за камень», так что русским представителям пришлось искать их в течение трех недель. В связи с этим русские посланцы приказали сородичам беглецов, живущим в улусах и принявшим русское подданство, чтобы «тех беглецов сыскав привести в прежние их урочища в платеж... ясаку». Характерно, что некоторые беглецы, вернувшиеся к этому времени из-за «камня», обещали доплатить не только за себя, «чего недоплатили в полный ясак», но и за своих родственников, еще не вернувшихся на старые места из весенней промысловой добычи или, в крайнем случае, из добычи нового года. Была также достигнута договоренность о том, что 1 июня обе стороны — сборщики и плательщики ясака — прибудут в заранее назначенное место, так как кыштымы будут «жить прикрыто», потому что они «опасны от иных землиц». Такая оговорка становится понятной, если вспомнить, что в это время еще продолжались военные действия против оставшихся на Енисее киргизских феодалов и союзных с ними шуйских татар. Киргизские кыштымы одновременно обратились к русским вла-

стям с просьбой построить в киргизских землях острог для обороны от противников, заявив, что «как де острог построен будет и они де в казну государя станут платить со всякого человека по шести соболей, чтоб им жить за великого государя державою безопасно»[1].

С аналогичной просьбой, как мы уже отмечали, обратились в 1706 г. к красноярскому воеводе бывшие кыштымы киргизских князей в Койбальских волостях.

Русское правительство, учитывая сложившееся положение и стремясь закрепить новые владения, охотно пошло навстречу желаниям бывших кыштымов. Сибирским властям был дан приказ построить в киргизских землях несколько острогов и караульных постов, разместив в них русские гарнизоны. 27 июня 1706 г. для постройки на реке Абакане нового острога была снаряжена специальная экспедиция, в состав которой вошли служилые люди из Томска (400 человек), Красноярска (300 человек), Енисейска (200 человек), Кузнецка (100 чел.). Отряд в целом насчитывал 1000 человек. Во главе его были поставлены томский сын боярский Илья Цыцурин и красноярский служилый человек Конон Самсонов. К 1707 г. этой экспедиции удалось поставить Абаканский острог, создав в центре киргизских земель важный опорный пункт. В состав его гарнизона вошел весь отряд, направленный летом 1706 г., и многочисленные «пашенные крестьяне». Воеводой нового острога был назначен К. Самсонов. В Абаканский острог были доставлены «ружье и воинские припасы», что превращало его в сильную крепость. Вскоре после постройки Абаканского острога «ис того де острога посылали они Илья и Конон служилых людей в киргизскую землицу в разные улусы»[2], из которых нам известны четыре: Улагачев, Корчинов, Уйбашин и Кулагин[3]. Из этих улусов в Абаканский острог были привезены «ясаулов лутчих людей 20 человек», вступившие в переговоры с представителями русских властей. В результате этих переговоров была достигнута договоренность об уплате бывшими киргизскими кыштымами ясака ежегодно «без недобору по 6

[1] Памятники Сибирской истории в XVIII в., т. 1 № 59.
[2] Сибирский приказ, ф. 214, ед. хр. 1953, лл. 5—6.
[3] Там же, ед. хр. 1239, лл. 1—2.

соболей с человека». Как обычно, абаканские воеводы оставили в остроге «аманатов с первых рядов 2 человека», обязав новых подданных России «с тех улусов в год аманатов переменять с первых же рядов помесячно»[1].

Таким образом, в 1707 г. в связи с построением Абаканского острога население бывшей «киргизской землицы», в том числе и оставшиеся на Енисее киргизы, окончательно приняло подданство России. Через два года южнее Абаканского острога был построен Саянский острог, в результате чего вся Абаканская степь была присоединена к России. Позже было поставлено еще несколько острогов, в их числе Арбатский, Таштыкский и др. Эти остроги были основаны с целью прикрыть население Южной Сибири, входившее теперь в состав России, от набегов извне.

Для понимания политики царского правительства по отношению к населению бывшей «киргизской землицы» известный интерес представляет история попавшего в плен в 1705 г. «иноземца киргизской породы, не крещена, а молитвенное ему имя по-русски Яков». Этот киргиз был отправлен в Москву томским казачьим головой С. Цыцуриным. В мае 1707 г. он был доставлен в Москву к начальнику Сибирского приказа кн. М. П. Гагарину, который приказал содержать его до царского указа в Сибирском приказе, а затем крестить, выдав ему одновременно с крещением подарки[2]. Все это не было какой-то новостью. Из истории енисейских киргизов в XVII в. нам известно, что отдельные киргизы, попадавшие в плен к русским, и раньше подвергались принудительному крещению и крещенные, живя среди русских, постепенно приспосабливались к условиям русского быта. Многие из них становились холопами русских феодалов, но некоторые сохраняли свободу, обзаводились семьями, занимались земледелием, торговлей, даже вступали в ряды служилых людей.

---

[1] Сибирский приказ, ф. 214, ед. хр. 1953, л. 6.

[2] Сибирский приказ, ф. 214, дело № 934, лл. 1—2 «купить ему Якову из Сибирского приказа крест серебряной да платья, на одежду кафтан верхней зеленой да камзол исподнее красной, суконную шляпу, кушак полушелковой, башмаки, чулки, немецкий штан». 10 мая того же года Якову дали шубу, сапоги, чулки и 5 рублей.

Любопытным примером служилых людей из киргизов являются Григорий Каштанов, Иван Архипович Айкан и др.[1] Что касается Якова, то о его дальнейшей судьбе пока ничего не известно, но судя по приему, оказанному ему в Сибирском приказе, есть основание предполагать, что там собирались «поверстать» его в служилые люди. В обстановке только что установившегося политического господства России в Минусинской котловине русские власти нуждались в служилых людях из числа енисейских киргизов, знавших русский и киргизский языки.

Об уплате енисейскими киргизами ясака имеются пока отрывочные сведения. Так, в 1710 г. с ясачных киргизов Корчинской волости численностью в 55 человек «по окладу довелось взять» ясак «семь сороков шестнадцать соболей». Заметим здесь, что со всех ясачных людей этой волости в 1710 г. было собрано ясака «сорок девять соболей, сорок лисиц за два сорока за один соболь, три бобра за одиннадцать соболей, тринадцать россомах за тринадцать соболей, четыре недолиси за три соболя, двести белок за два соболя». Кроме того, «остальцы тубинцы и киргизы 10 человек государю ясаку по окладу на нынешней 1710 г. довелось с них взять один сорок четырнадцать соболей. А за этот год собраны с них 10 соболей, бобр за 3 соболя, кашлак за соболя»[2].

Таким образом, жители Минусинской котловины, в том числе киргизы, бесповоротно сбросили вековое иго азиатских феодалов-кочевников, прежде всего киргизских феодалов и их верховного сеньора хан-тайчжи. Не следует конечно забывать, что они попали под гнет царских колонизаторов. Однако вхождение населения Южной Сибири в состав России объективно имело прогрессивные последствия.

Тем не менее правительство хан-тайчжи еще продолжало претендовать на возвращение ранее зависимого от них населения Южной Сибири и настаивало на сохранении права хан-тайчжи на сбор от них албана. В 1722 г. хан-тайчжи отправил своего представителя по имени Байгорок в киргизские землицы для сбора албана с быв-

[1] О них в подробностях говорится в книге С. В. Бахрушина «Енисейские киргизы», научные труды III, часть вторая, М., 1955, стр. 184—185.

[2] Сибирский приказ, ф. 214, ед. хр. 1948, лл. 6, 17.

ших кыштымов киргизских князей. Однако Байгорок был арестован русскими властями и доставлен в Тобольск. При допросе он показал, что «служил контайши и жил в обских краях, затем он был послан для сбора ясака от контайшиных кыштымов, но ево на пути арестовали и конфисковали отобрали 15 лисиц, 10 руб. и др.» 27 апреля 1722 г. после долгих дипломатических переговоров между представителями царство и калмакского правительства Байгороку было разрешено выехать обратно в Джунгарию к хан-тайчжи[1]. Таким образом, попытка сбора албана с населения Южной Сибири, предпринятая джунгарским правительством, позорно провалилась. Что касается претензии хан-тайчжи о возвращении ранее подвластных ему киргизов, мингатов и др., то, как мы уже отмечали, русское правительство решительно отвергло эти требования.

Таким образом, судьбы тех народов Минусинского края, которые не подвергались принудительному уводу джунгарскими зайсанами, сложились иначе, чем судьба уведенного населения. Енисейские киргизы вместе с другими народами приняли русское подданство, часть их расселилась на новой свободной территории Минусинской котловины. Под влиянием местной и русской высокой земледельческой культуры они занялись обработкой земли и перешли к твердой оседлости.

Политическое объединение различных племен под властью феодальной верхушки киргизов, стремившихся во что бы то ни стало удержать свою монополию на эксплуатацию не только рядовых киргизов, но и зависимых от них племен — кыштымов, задерживало процесс консолидации племен Минусинской котловины в народности. С распадом политического объединения киргизских феодалов и их исчезновением из Южной Сибири происходит новое объединение этих разнородных по этническому составу племен на базе прочного территориально-хозяйственного объединения, которое создает благоприятные условия и в известной степени ускоряет процесс слияния разнородных по происхождению и по языку племен и народность на основе тюркоязычного качинского племени. Немалую роль в этом процессе сыграли и оставшиеся на Енисее киргизы.

[1] Архив МИД, Зюнгарские дела, д. № 1, л. 145.

Итак, увод большей части киргизов с Енисея в Джунгарию нисколько не означает их совершенного исчезновения из этого края. Вместо политического объединения под властью киргизских князей здесь создались благоприятные условия для прочного территориально-хозяйственного объединения этнических групп, разнородных по происхождению и языку, причем в те или иные административные деления вошли мелкими группами и киргизы. По административной реформе 1822 года, киргизы, распадаясь на несколько родов, вошли в разные степные думы, представлявшие собой этнический конгломерат, созданный административным путем в зависимости от их территориально-хозяйственной связи. Так, например, киргизские роды пюрют, ызыр, кыргыз и др. вошли в состав Абаканской и часть этих же родов и род чода и сарыг — Сагайской степных дум. При этом енисейские киргизы, жившие не компактно и не имеющие какого-либо политического объединения, не играли никакого значения в международных отношениях, и название «кыргыз» как таковое не фигурировало в международных договорах, касавшихся Южной Сибири. Поэтому в последующий период как киргизы, так и другое население Минусинской котловины в царских указах называлось общим именем «минусинских татар».

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Введение	3
Взаимоотношения енисейских киргизов с Россией в конце XVII и начале XVIII вв.	12
Передвижение енисейских киргизов в Или-Иртышское междуречье в XVIII в.	48
Об исторических судьбах киргизов, оставшихся на Енисее . .	69

АРЗЫМАТОВ АТЫГАЙ

ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ЕНИСЕЙСКИХ КИРГИЗОВ С РОССИЕЙ В XVII—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII ВВ.

Редактор *И. М. Скляр*
Техн. редактор *С. И. Лесничий*
Корректор *А. Долотова*

Сдано в набор 30/XI-1965 г. Подписано к печати 10/VIII-1966 г. Д—05590. Бумага типографская № 2 формат 84×10¹/₃₂, 2,87 физич. печ. л., 4,80 условн. печ. л., 4,8 учет.-изд. л. Тираж 1000. Заказ № 5692. Цена 29 коп.

Киргизполиграфкомбинат Комитета по печати.